

A romantic illustration of a young couple on a swing. The woman, with long, wavy red hair and a flower crown, sits on the swing holding a large bouquet of colorful flowers. The man, with dark hair, stands behind her, leaning in to kiss her forehead. They are surrounded by a lush garden of roses and other flowers. In the background, a sunset or sunrise is visible over a body of water with a small boat. The overall style is soft and painterly.

ЮЛИЯ ПРАВДИНА

ЦВЕТОЧНАЯ ЛАВКА
ПОПАДАЮЩИ
НА УЛИЦЕ ТЕНЕЙ

Юлия Правдина Цветочная лавка попаданки на улице Теней

<https://litres.ru/74501464>

Аннотация

Проснуться в теле восемнадцатилетней девушки — шок. Узнать, что тебя готовят в жены старому садисту — ужас.

Вторая жизнь даровала мне не только молодое тело, но и старые проблемы: семья, считающая меня собственностью, и брак с жестоким стариком по расчету. Но моя душа помнит все 58 лет прошлой жизни. И я не намерена повторять прошлые ошибки.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	24
Глава 3	31
Глава 4	39
Глава 5	46
Глава 6	53
Глава 7	59
Глава 8	66
Глава 9	72
Глава 10	78
Глава 11	85
Глава 12	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Пролог

Если бы мне, лет этак десять назад, описали мою нынешнюю ситуацию, я бы, наверное, долго и искренне смеялась, а потом предложила рассказчику проверить его аптечку на предмет просроченных лекарств. Потому что такого не бывает. Не может быть. В пятьдесят восемь лет не просыпаются в теле восемнадцатилетней девушки. Не оказываются в мире, где магия – такая же обыденность, как и предательство. И уж точно не становятся главной героиней романа в стиле «фэнтези», который моя покойная соседка по даче, тетя Люда, зачитывала бы до дыр.

Но, как выяснилось, бывает. Еще как.

Меня зовут Лидия Иванова. Или... меня звали Лидия Иванова. Пятьдесят восемь лет. Вдова. Флорист с сорокалетним стажем. Жертва домашнего насилия, если говорить начистоту, без прикрас. Последнее – не для жалости, а для протокола. Просто факт, как то, что роза – это роза, а кактус, как его ни поливай, колючкой и останется.

Мой мир был миром простых и понятных вещей. Земля под ногтями, запах свежесрезанных стеблей, вечная борьба с тлей на розах и тихое, выстраданное одиночество после смерти мужа. Да-да, того самого тирана. Я не буду тратить на него много слов. Достаточно сказать, что последние двадцать

лет нашего «счастливого брака» я провела, словно бабочка под стеклом, пригвожденная булавкой его контроля и унижений. Мечтала я о немногом: о своей маленькой, уютной цветочной лавке, где пахло бы мокрой землей и надеждой. Где я могла бы составлять букеты, которые несли бы людям не просто красоту, а утешение. Тихий уголок. Спокойствие.

Мечты, как выяснилось, обладают странным свойством сбываться. Но делают они это с извращенным, язвительным чувством юмора.

Помню свой последний день. Вернее, его обрывки. Дождь. Мокрый асфальт блестит под тусклыми фонарями. Я несла домой горшок с новым, только что купленным фикусом. Бенджамина, пестролистный. Решила, что нужно в доме что-то живое, что-то растущее. Символ. Знак, что жизнь продолжается, несмотря ни на что. Переходила дорогу... и вот тут память обрывается. Резкий звук тормозов, крик (мой?), и все.

А потом... пробуждение.

Первое, что я почувствовала, – это запах. Не дешевого одеколona мужа и не пыли в нашей квартире. А чего-то дорогого, тяжелого. Сладковатого, как увядающие лилии в похоронном бюро. Воздух был холодным, неподвижным.

Я открыла глаза. И тут же захотела их закрыть. Комната. Не комната – покои. Роскошные, огромные, с высоким потолком, украшенным лепниной, и стенами, затянутыми шел-

ком цвета запекшейся крови. Я лежала на кровати, которая могла бы сойти за лодку для небольшой семьи – с балдахин-ном, резными ножками и шелковым пологом. Все было богатое, изысканное и до тошноты чужое.

«Где я? Что случилось? Больница?» – пронеслось в голове. Но никаких больниц с шелковыми балдахинами я не при-поминала. Я попыталась сесть, и тело отозвалось странной легкостью. Слишком легко. Не было привычной тяжести в ногах, ноющей поясницы, скрипа в коленях. Я подняла руки перед лицом.

И обомлела.

Это были не мои руки. Мои руки знали жизнь. Они были в сеточке морщин, с выступающими венами, с коротко остриженными ногтями (удобно для работы с землей), с парой старческих пятен. Эти же руки... они были руками юной девушки. Длинные, тонкие пальцы, безупречно гладкая кожа, бледная, почти прозрачная, с голубыми прожилками на запястьях. Идеальный маникюр с перламутровым лаком.

Я, как безумная, ощупала свое лицо. Кожа натянута, упруга. Ни единой морщинки. Нос – аккуратный, совсем не мой. Губы – полные. Волосы... я схватила прядь. Длинные, шелковистые, цвета воронова крыла. У меня были короткие, седые волосы, которые я давно уже перестала красить.

Паника, холодная и тошнотворная, подкатила к горлу. Я сорвалась с кровати и, пошатываясь, подбежала к огромному золоченому зеркалу в резной раме и увидела там незна-

комку.

Высокая, худощавая девушка лет восемнадцати. Бледное, почти болезненное лицо с огромными, испуганными глазами цвета лесной грозы – темно-зелеными, с золотистыми крапинками. Черные волосы волной спадали на плечи. Она была одета в ночную рубашку из тончайшего батиста, которая только подчеркивала ее хрупкость.

Это была я.

Я потрогала свое отражение. Холодное стекло. Девушка в зеркале повторила мое движение.

«Галлюцинация, – пыталась я убедить себя. – От шока. Сейчас приду в себя в больнице, и все будет, как всегда».

Но ничего не менялось. Я стояла и смотрела на незнакомое юное лицо, а в голове стучала одна-единственная мысль: «Это не я. Это не я. ЭТО НЕ Я».

Дверь в покои тихо скрипнула. Я резко обернулась. В комнату вошла горничная – строгая женщина в темном платье и белоснежном чепце. Ее лицо не выражало ровным счетом ничего, кроме легкой брезгливости.

- Доброе утро, леди Вайда, – произнесла она ледяным тоном. – Вам следует готовиться к завтраку. Герцог и герцогиня ждут.

Леди Вайда. Герцог. Герцогиня. Слова падали в мой мозг, как камни в пустой колодезь, вызывая лишь гулкое эхо. Я не двигалась с места, не в силах вымолвить ни слова.

Горничная, не удостоив меня больше взглядом, поставила

на прикроватный столик серебряный поднос с чашкой дымящегося чая.

- Ваш вечерний чай, леди Вайда. Чтобы успокоить нервы, – ее голос стал еще более язвительным на последних словах. – Пожалуйста, выпейте. Не заставляйте нас прибегать к... крайним мерам.

Она развернулась и вышла, оставив меня в одиночестве с моим новым отражением и чашкой чая, от которого пахло чем-то горьким и знакомо-отвратительным. Запах был похож на те же «успокоительные», что мне давали в психушке после первого серьезного побега от мужа. Только здесь запах был гуще, с примесью каких-то трав, которых я не знала.

Мои ноги сами подвели меня к столику. Я взяла чашку. Рука дрожала. «Леди Вайда». Это имя отдавалось в висках тупой болью. И вдруг, как прорвавшаяся плотина, в голову хлынул поток чужих воспоминаний. Обрывочных, бессвязных, словно кадры из старого немого кино.

Вайда Ленстер. Восемнадцать лет. Дочь герцога Ленстера. Бездарна. Магически ущербна. Тихая. Забитая. Посмешище для семьи. Сестра Алиса – яркая, одаренная любимица. Родители... холодные, честолюбивые. Они... они заставляли меня пить этот чай. Каждый день. Чтобы я была послушной. Чтобы я не позорила их.

Я отшатнулась от столика, как от гремучей змеи. Чашка с грохотом упала на ковер, расплескав темную жидкость, похожую на кровь. Дрожь стала такой сильной, что я с трудом

удерживалась на ногах. Это был не сон. Не галлюцинация. Это было нечто гораздо более чудовищное и реальное.

Я, Лидия Иванова, пятидесятивосьмилетняя женщина, прошедшая через ад семейной жизни, оказалась в теле семнадцатилетней аристократки, которую точно так же, как и меня, держали в ежовых рукавицах, травили «успокоительным» и ломали волю. История, черт побери, повторялась! Только декорации сменились на более дорогие.

Меня охватила дикая, истерическая ярость. Нет, не ярость. Бешенство. Чистейшей воды белый свет безумия. Прожить всю жизнь в клетке, вырваться из нее только ценой смерти, и оказаться... в новой клетке? Более красивой, но от того не менее прочной?

«Нет, – застучало в висках. – Нет. НЕТ».

Я подошла к зеркалу и впиалась пальцами в плечи, пытаюсь ощутить хоть какую-то связь с этим телом.

- Послушай, девочка, – прошипела я своему отражению. – Вайда, или как тебя там. Я не знаю, где ты и что с тобой случилось. Но сейчас здесь я. А я... я уже слишком стара, чтобы позволять с собой так обращаться. Я уже проходила этот ад. И знаешь что? Второй раз я в него не вернусь. Ни за что. Поняла? Ни-за-что.

Отражение молчало. Но в его зеленых глазах, таких же испуганных, я вдруг увидела нечто знакомое. Искру. Ту самую, что когда-то теплилась во мне, пока ее окончательно не затоптали. Искру сопротивления.

Снизу донеслись звуки – мерные шаги, приглушенные голоса. Семья. Герцог и герцогиня Ленстер. Мои новые «родители». И, как я уже знала из обрывков памяти, они собирались устроить мне сюрприз. Объявить о моей помолвке. С графом Муртоном. Богатым, влиятельным и, по слухам, невероятно жестоким стариком, чьи садистские наклонности были притчей во языцех.

Ледяной ужас сдавил горло. Воспоминания о муже, его сжатых кулаках, оскорблениях, страхе – все это нахлынуло с такой силой, что я едва не задохнулась. Нет. Только не это. Только не снова.

Я закрыла глаза, пытаюсь унять дрожь. Я дышала, как меня когда-то учили в группе поддержки для таких же, как я – глубоко, медленно. Вдох. Выдох. Я – Лидия Иванова. Я прожила пятьдесят восемь лет. Я пережила домашнее насилие и выжила. Я знаю, как пахнет страх, и научилась его заглушать запахом земли и цветов. И я, черт возьми, не позволю какой-то компании аристократов снова запереть меня в клетке.

План. Мне нужен был план. Бежать. Нужно было бежать. Но как? Куда? У меня не было денег, связей, я не знала этого мира. Но у меня было кое-что другое. Опыт. Горький, выстраданный опыт выживания. И яростное, не знающее возраста желание быть свободной.

Я посмотрела на разлитый чай. На темное пятно на дорогом ковре. И на свое новое, юное, полное странных сил отражение.

- Ладно, Вайда, — тихо сказала я. — Похоже, мы с тобой в одной лодке. Вернее, в одной золотой клетке. Но я специалист по побегам. Пусть и неудачным в прошлом. На этот раз... на этот раз все будет иначе.

Я подошла к окну и отдернула тяжелую портьеру. За стеклом открывался вид на ухоженный, но бездушный парк. Мир был огромен, странен и полон опасностей. Но в нем точно было место для одной старой души в молодом теле, которая просто хотела тишины и своей маленькой цветочной лавки.

Оставалось только этого добиться. А с этим, как я уже поняла, предстояло немало проблем. Но я была готова. В конце концов, что может быть страшнее того, что я уже пережила?

Глава 1

Если были в аду пятизвездочный отель с индивидуальным обслуживанием, то он выглядел именно так. Я лежала на спине и пялилась в бардовый шелк балдахина, пытаюсь силой мысли прожечь в нем дыру. Любой выход из этой золотой клетки был бы хорош. Даже в преисподнюю.

Прошлой ночью, после визита ледяной горничной и моей тирады перед зеркалом, мне удалось заснуть лишь под утро. Видимо, сработал защитный механизм мозга, отключивший меня от реальности, которая была похлеще любого бреда. Теперь же я была в сознании. Полностью. И от этого не становилось легче.

Мое новое тело требовало завтрака с настойчивостью молодого организма, не знакомого с гастритом и заботой о фигуре. А мозг, мой пятидесятивосьмилетний уставший мозг, кричал, что еда в этом доме наверняка отравлена если не ядом, то высокомерием и скрытыми угрозами.

Дверь снова скрипнула. Та же горничная, будто робот на колесиках, вошла в комнату. На ее лице застыла все та же маска вежливого отвращения.

- Доброе утро, леди Вайда. Герцог и герцогиня ожидают вас к завтраку. Вам следует поторопиться, – ее взгляд упал на пол, где алело пятно от вчерашнего чая. – Я пришлю служанку для уборки. И принесу вам новую порцию чая.

- Не надо, – выдохнула я, все еще не в силах заставить себя говорить громко. Голос звучал чужим – высоким, мелодичным, без привычной хрипотцы.

Горничная подняла бровь. Казалось, я нарушила многовековой уклад вселенной, отказавшись от утреннего зелья.

- Это приказ герцогини, леди Вайда. Для вашего же блага. В ее тоне прозвучала сталь. Та самая, что была в голосе моего покойного мужа, когда он говорил: «Я же тебе добра желаю». Мурашки побежали по спине. Нет, тут надо было действовать иначе. Грубая сила и открытое неповиновение приведут только к смирительной рубашке и усиленной дозе «заботы». А у меня был план. Сначала – выжить. Потом – сбежать.

Я опустила глаза, изобразив покорность. Старая, проверенная тактика.

- Хорошо, – прошептала я. – Просто... я еще не проснулась. Я выпью его позже.

Горничная смерила меня взглядом, но кивнула.

- Как пожелаете. Но к завтраку вы должны быть готовы через полчаса. Ваше платье уже приготовлено.

Она вышла, оставив меня наедине с новой проблемой – платьем. Оно висело на ширме – сложное сооружение из десятков лент, шнуровок и невероятного количества подкладок. Это было не платье. Это была инженерная конструкция, для сборки которой требовалось высшее образование и, возможно, помощь двух крепких служанок.

Я подошла и осторожно тронула ткань. Тяжелый, узорчатый бархат темно-синего цвета. «Безвкусица», – подумала я критически. Такой цвет для юной девушки... ее, вернее, меня, он явно старил и делал бледное лицо еще более болезненным. Видимо, в моду здесь входил образ «заморыша на пороге смерти».

Следующие двадцать минут стали для меня квестом под названием «Одень куклу». Я пыталась втиснуться в корсет, который, как мне казалось, был предназначен для существа с талией размером с мое запястье. Шнуровка на спине оказалась непосильной задачей. В итоге я затянула его кое-как спереди, что было, я уверена, против всех правил, и натянула платье поверх. Оно сидело на мне мешком, но хоть не падало. Волосы я попыталась собрать в тугий узел, как носили раньше, но густая черная грива не поддавалась. В конце концов, я просто заплела неуклюжую косу. Зеркало отразило испуганную, нелепо одетую девочку, играющую во взрослую. Ирония судьбы была в том, что внутри сидела как раз взрослая, которая отчаянно хотела снова стать девочкой. Хотя бы в смысле отсутствия ответственности.

Ровно через полчаса дверь открылась, и на пороге появилась та же горничная. Ее взгляд скользнул по моей фигуре, и в уголках ее губ заплясали чертики презрения.

- Позвольте, леди Вайда, – она вздохнула и с ловкостью заправского бойца быстрого реагирования принялась перешнуровывать мой корсет, затягивая его так, что у меня по-

темнело в глазах. — Герцогиня не одобрит такой неряшливый вид.

«А я не одобряю ее существование», — подумала я, но вслух, разумеется, ничего не сказала. Когда она закончила, я дышала с трудом, как рыба, выброшенная на берег. Теперь платье сидело как влитое, подчеркивая неестественно тонкую талию и худые плечи. Я же чувствовала себя перетянутой колбасой.

— Пойдемте, — бросила она и вышла из комнаты, не оглядываясь.

Я последовала за ней по бесконечному, казалось, коридору. Стены были увешаны портретами хмурых людей в париках и доспехах — мои новые «предки», предположила я. Все они смотрели на меня с одинаковым выражением легкого недоумения, как будто не могли понять, как такое недоумение затесалось в их благородную родословную.

Мы спустились по широкой мраморной лестнице и вошли в столовую. Комната была размером с мой бывший цветочный магазин. Посередине стоял дубовый стол, способный вместить человек двадцать. Во главе, на резных креслах, похожих на малые троны, сидели двое.

Герцог Ленстер, мой новый «папенька», был мужчиной лет пятидесяти, с жестким, высеченным из гранита лицом, коротко подстриженной седеющей бородкой и холодными, как агаты, глазами. Он был облачен в темно-зеленый камзол, расшитый золотыми нитями. Он не смотрел на меня, изучая

какую-то бумагу, и его присутствие наполняло комнату гнетущей тишиной.

Напротив него сидела герцогиня Ленстер. Худошавая, с идеальной осанкой, в платье лилового цвета, которое делало ее кожу похожей на пергамент. Ее темные волосы были убраны в сложную прическу, украшенную жемчугом. Ее красота была холодной и отточенной, как лезвие ножа. И ее глаза, того же зеленого оттенка, что и у меня, но без единой искорки тепла, были прикованы ко мне. В них читалось нетерпение и... раздражение.

- Наконец-то, Вайда, – произнесла она. Ее голос был тихим, но каждое слово било хлестко, как плеть. – Мы уже начали думать, что ты решила пролежать в постели весь день. Опять твои... приступы?

Я промолчала, подойдя к столу. В моей памяти всплыло, что обычно «Вайда» садилась в самом конце стола, подальше от всех. Я так и сделала. На столе стояли серебряные блюда с яствами, названия которых я могла только предполагать. Жареная птица, похожая на павлина, фрукты невиданных расцветок, свежие булки. Запах был восхитительным, но у меня в горле стоял ком.

Рядом с герцогиней сидела еще одна девушка. Алиса. Моя «сестра». Ей было лет семнадцать, и она была невероятно красива. Золотистые волосы, большие голубые глаза, кукольные черты лица. Она была одета в нежно-розовое платье, которое делало ее похожей на сладкий зефир. Пока я ее рас-

смаatrивала, она откусила кусочек булки, смотря на меня с открытым презрением.

- Ты сегодня особенно бледна, Вайда, – сказала она, сладко улыбаясь. – Тебе нездоровится? Может, тебе стоит вернуться в комнату и выпить свой чай? Он тебе всегда помогает.

В ее тоне была такая ядовитая забота, что мне захотелось швырнуть в нее эту самую булку. Но я снова опустила глаза, делая вид, что не слышу. Стратегия выживания номер один: не выделяться, не провоцировать.

Слуга подал мне тарелку. Я взяла вилку – тяжелую, серебряную – и попыталась наколоть кусочек той самой птицы. Рука дрожала. Вилка со звоном упала на тарелку.

В столовой воцарилась тишина. Герцог наконец поднял на меня взгляд. Казалось, он впервые замечает мое присутствие.

- Нервы, – буркнул он и снова уткнулся в бумаги. – Выпей свой чай, девочка. Перестань позорить себя и нашу семью за завтраком.

Герцогиня вздохнула, будто несла на своих хрупких плечах все тяготы мироздания.

- Мы ждем важных гостей к обеду, Вайда. И у нас есть новость для тебя. Новость, которая определит твое будущее. – Она сделала паузу, давая словам просочиться в мое сознание, как яд. – Граф Мортон почтил нас своим вниманием и сделал тебе предложение.

Мир замер. Граф Мортон. Воспоминания Вайды услужливо подкинули образ: старик с влажными, жадными губами и маленькими, похожими на свиные, глазками. Известный своей жестокостью. Говорили, что его последняя жена умерла при загадочных обстоятельствах. Никто не задавал вопросов.

Ледяная волна прокатилась по моему телу. Тиран. Снова тиран. Другой, но суть та же. Богатый, влиятельный, жестокий. Меня тошнило. Буквально. Я сглотнула горькую слюну.

- Он будет здесь сегодня днем, чтобы обсудить детали помолвки, – продолжила герцогиня, как будто объявляла о предстоящем бале. – Ты должна быть в наилучшей форме. Послушной и умиротворенной. Мы не потерпим никаких... эксцессов.

Я подняла на нее глаза. Наши взгляды встретились. В ее глазах читалась холодная уверенность в своем праве распоряжаться моей жизнью. В моих, я надеюсь, – шок и зарождающийся ужас.

«Нет, – застучало в висках. – Нет. НЕТ».

Это было хуже, чем я могла предположить. Мне не просто угрожала жизнь в золотой клетке под присмотром этих людей. Меня готовили к передаче в руки другого тюремщика. Более старого, более жестокого. И, судя по всему, с садистскими наклонностями.

Второй раз. Мне предстояло во второй раз выйти замуж за тирана.

Мысль ударила с такой силой, что у меня потемнело в глазах. Комната поплыла. Я услышала собственный стук сердца, громкий, как барабанная дробь. Воспоминания нахлынули, сметая все на своем пути. Унижения. Страх. Постоянный, грызущий страх. Синяки, скрытые под одеждой. Слезы, которые нельзя было пролить. Одиночество. Отчаяние.

Я не переживу этого снова. Я не переживу.

- Я... я не хочу, – прошептала я. Голос был тихим, но в гробовой тишине столовой он прозвучал, как выстрел.

Алиса фыркнула. Герцог медленно поднял голову. Его брови поползли вверх. Герцогиня замерла, ее лицо вытянулось от изумления.

- Что ты сказала? – ее голос стал тише, но от этого звучал только опаснее.

Я сжала пальцы под столом, чувствуя, как дрожь охватывает все мое тело. Но внутри что-то затвердело. Стальное ядро, выкованное в прошлой жизни.

- Я сказала, что не хочу выходить замуж за графа Мортонна, – произнесла я уже громче, глядя прямо на нее.

Герцогиня встала. Ее движение было плавным и исполненным такой угрозы, что я инстинктивно отпрянула.

- Твое «хочу» или «не хочу» не имеет никакого значения, девочка, – прошипела она. – Ты будешь делать то, что тебе говорят. Ты – дочь Ленстеров. И твой долг – служить интересам семьи. Брак с Мортонном укрепит наше положение и решит наши финансовые затруднения. Ты думаешь, мы со-

держали тебя все эти годы, эту... эту магически ущербную обузу, из любви?

Ее слова обжигали, как кислота. Но в них была горькая правда, которую я и так понимала. Я была разменной монетой. Вещью.

- Мама, пожалуйста... – попыталась я снова, но она резко взмахнула рукой.

- Довольно! – ее крик заставил вздрогнуть даже герцога. – Ты выпьешь свой чай, вернешься в комнату и будешь ждать визита графа. И ты будешь вести себя безупречно. Или мы найдем способ сделать тебя послушной.

Ее взгляд скользнул по моему лицу, и я поняла – они не остановятся ни перед чем. Лекарства, насилие, запираение в комнате. У них был целый арсенал средств для усмирения непокорных дочерей.

Я замолчала. Опустила голову, изображая покорность. Мое сердце бешено колотилось в груди, словно птица, бьющаяся о решетку клетки. Стратегия изменилась. Открытый бунт был бесполезен. Он только ускорил бы мой конец.

«Хорошо, – подумала я, глядя на свои белые от напряжения пальцы. – Хорошо. Вы хотите, чтобы я была послушной? Я буду. Я буду самой послушной, самой тихой, самой покорной дочерью, какую вы только видели. Но это продлится ровно до того момента, пока я не сбегу отсюда».

План, который вчера был смутной идеей, теперь кристаллизовался в нечто твердое и неумолимое. Я должна была бе-

жать. До визита графа. До помолвки. До того, как меня навсегда запрут в новой, еще более страшной клетке.

Завтрак продолжался в гнетущем молчании. Я не притронулась к еде. Герцогиня, успокоившись, снова стала беседовать с Алисой о предстоящем бале. Герцог погрузился в бумаги. Я была снова невидимкой. И это меня устраивало.

Когда завтрак закончился, и все поднялись из-за стола, герцогиня кивнула горничной.

- Проводи леди Вайду в ее покои. И проследи, чтобы она выпила чай. Всю порцию.

Меня повели обратно по бесконечным коридорам. На этот раз я шла, не видя ничего перед собой. Мой мозг работал с бешеной скоростью, выстраивая и отбрасывая один план за другим.

В комнате на прикроватном столике уже стояла новая чашка с дымящимся чаем. Горничная остановилась у двери, скрестив руки на груди.

- Я подожду, пока вы его выпьете, леди Вайда.

Я посмотрела на чашку. На темную, мутную жидкость. И я поняла, что первое, с чего начнется мой побег, – это с отказа от этого зелья. Но сделать это нужно было хитро.

Я взяла чашку. Рука снова задрожала, но на этот раз я позволила этому случиться. Я сделала вид, что подношу чашку к губам, но вместо того, чтобы выпить... я пролила ее. На себя. На платье. На пол. Горячая жидкость обожгла кожу, но это было ничто по сравнению с внутренним облегчением.

- Ой! – вскрикнула я с наигранным испугом. – Я... я так нервничаю! Простите!

Я поставила пустую чашку на поднос и показательно стала вытирать платье. Большая часть чая благополучно пролилась мимо.

Горничная смотрела на меня с таким выражением, будто я только что объявила о своем решении лететь на луну.

- Неуклюжая дура, – пробормотала она себе под нос. – Ладно. Я пришлю служанку с уксусом для пятен. И принесу новую порцию.

- Не надо! – взмолилась я, и в моем голосе прозвучала искренняя мольба. – Пожалуйста... Я просто хочу отдохнуть. Я обещаю, буду лежать смирно. Я... я не могу больше пить этот чай, меня от него тошнит.

Я посмотрела на нее своими большими, как я надеялась, несчастными глазами. Стратегия номер два: вызвать жалость. Или, на худой конец, раздражение, достаточное, чтобы от меня отстали.

Горничная, кажется, склонилась ко второму варианту. Она тяжело вздохнула.

- Как знаете. Но если герцогиня спросит...

- Я скажу, что выпила! – поспешно пообещала я. – Все до капли!

Она покачала головой, явно сомневаясь в моей адекватности, и вышла, хлопнув дверью.

Я осталась одна. Дрожащая, в мокром, вонючем платье,

но с первым, крошечным чувством победы. Я не выпила чай. Первая битва была выиграна.

Теперь предстояло выиграть войну. И времени у меня было катастрофически мало.

Глава 2

Тишина, наступившая после ухода горничной, была звенящей и хрупкой, словно тончайшее стекло, готовое треснуть в любой момент. Я стояла посреди комнаты, мокрое платье неприятно липло к телу, а по воздуху стелился едкий запах пролитого «успокоительного» зелья, смешанный с ароматом дорогого мыла. Пахло отчаянием и ложью. Но для меня этот коктейль был слаще самых изысканных духов. Это был запах первой, крошечной победы. И одновременно – стартовый выстрел в гонке со временем.

Мысль о том, что этот Мортон может появиться на пороге уже после полудня, вонзалась в сознание, как раскаленная спица. У меня не было ни дня, ни ночи. У меня были считанные часы.

Мой план, бывший до этого абстрактным «надо бежать!», должен был быть приведен в исполнение немедленно. Первый пункт был выполнен: я не приняла дозу чая. Голова была непривычно ясной, мысли – острыми и быстрыми, отточенными на точильном камне страха. Страх никуда не делся, он сидел внутри холодным, тяжелым грузом, но теперь он заставлял меня двигаться, а не цепенеть.

«После полудня, после полудня... – эта фраза стучала в висках в такт учащенному сердцебиению. – Значит, у меня есть только утро».

Я содрала с себя мокрое, вонючее платье и надела простой хлопковый халат – единственную удобную вещь в этом музее бархатного безумия. Теперь – рекогносцировка. Вражеская территория, она же мои покои, должна была быть изучена за рекордное время.

Помимо кровати-лодки и гардероба, заваленного дорожными путами, в комнате были три двери. Первая – в коридор, врата в ад под названием «семья Ленстер». Вторая вела в гардеробную, размером с мой бывший цветочный магазин. Я провела рукой по шелкам и бархату. Целое состояние висело на этих вешалках. Если бы я была настоящей Вайдой, возможно, меня бы это прельстило. Но для меня это была всего лишь маскировочная сеть, в которой меня пытались удержать. Сетка, которую я должна была порвать.

Третья дверь была заперта. Я потянула за ручку – никакого результата. В памяти Вайды всплыло: «кладовая, всегда заперта». Вызов. Мысленно поставила на ней крестик. «Разобраться. Сразу после того, как найду деньги».

Окно. Огромное, с витражами. Я изо всех сил потянула за резную ручку. Со скрипом, словно нехотя, створка поддалась. В комнату ворвался поток холодного воздуха. Пахло влажной землей, хвоей и, о да, свободой. Прямой спуск был невозможен – этаж второй, стена гладкая. Но под окном, цепляясь за камни, рос старый, толстый плющ. Выглядел он надежно. Моя потенциальная пожарная лестница. Надо было ее проверить.

Мой осмотр прервал скрип двери. Я резко захлопнула окно и бросилась на кровать, изображая умирающего лебедя. В комнату вошла не горничная, а юная служанка с испуганными глазами и веснушками на носу. В руках она держала таз с водой.

- Мне приказали убрать пятно, леди Вайда, – прошептала она, не глядя на меня.

Пока девочка, представившаяся Элси, оттирала ковер, я изображала немощь и одновременно выпытывала информацию. Разговорить ее было непросто – она дрожала, как осиновый лист. Но на вопрос о запертой двери она прошипела:

- Кладовая. Герцогиня приказала держать на замке. Чтобы вы не навредили себе.

Какая трогательная забота. Вероятнее всего, там было что-то полезное. Или, что еще лучше, потайной ход. Приоритет двери в моем списке вырос.

Как только Элси выпорхнула из комнаты, я возобновила поиски. Деньги. Мне нужны были деньги. В памяти Вайды всплыли монеты «на булавки», которые она, скорее всего, не тратила. Я обыскала все – матрас, ящики, полки. Ничего.

И тут мой взгляд упал на старую, пыльную куклу в углу. Единственная игрушка в этой роскоши. Что-то заставило меня взять ее в руки. Она была тяжеловата. Я потрясла – внутри глухо позвякивало. Сердце екнуло. Нашла на спинке почти незаметный шов, подцепила ногтем. Потайное отделение! Внутри – бархатная сумочка, туго набитая золотыми и

серебряными монетами. Не состояние, но билет в свободу. Бедная Вайда. Она копила, не зная зачем. Теперь ее сбережения спасут меня.

Следующая задача – одежда. Бежать в шелках – чистое самоубийство. В гардеробной я нашла простое шерстяное платье серого цвета, без украшений. Свернула его в тугой рулон, прихватила темную накидку и прочные полусапожки. Теперь все это добро, вместе с деньгами, было надежно спрятано под матрасом.

Время летело неумолимо. Где-то за стенами слышались голоса, шаги, звон посуды – поместье готовилось к визиту «жениха». Каждый звук заставлял меня вздрагивать. Мне нужно было узнать распорядок. Я приоткрыла дверь и, как тень, скользнула в коридор. Спустя несколько минут, прячась в нише за портьерой, я подслушала разговор двух стражников.

- ...к полудню все должно блеснуть, старина. Сам граф Мортон с визитом пожалует.

- Ух, слышал я про него. Нашей «тихоне» не поздоровится...

- Молчи, стены ведь уши имеют. Смена в полдень, потом до вечера на посту. Но старый Гарри сказал, что к обеду на кухне будет дегустация вин для графа... Может, и нам перепадет.

Их болтовня была бесценна. Граф прибудет к полудню. Значит, у меня есть время до смены караула в полдень и

немного после, пока охрана будет отвлечена подготовкой к визиту и потенциальной выпивкой. Мой побег должен был состояться в этот узкий промежуток.

Я вернулась в комнату, сердце колотилось, как птица в клетке. Оставалось решить две проблемы: запертая дверь и спуск по плющу.

Со спуском я решила поступить просто – проверить его. Привязав к толстой лозе свернутый коврик, я несколько раз дернула изо всех сил. Плющ не подвел. Значит, выдержит.

С дверью было сложнее. Замок старый, массивный. Я не воровка, но жизнь с тираном научила меня справляться с простыми засовами. Это был не такой засов. Я в отчаянии уперлась лбом в дерево. Что делать? Магия? Но я не знала, как ее использовать!

Я сосредоточилась на двери. На своем жгучем желании открыть ее. Я представляла, как щеколда отодвигается. Я даже прошептала: «Абракадабра!» Ничего. Дверь стояла немым стражем.

Раздраженная, я отступила и пнула дверь ногой. Естественно, не помогло. И тут мой взгляд упал на комнатный плющ в кадке. Пышный, зеленый, с длинными побегами.

Идея ударила с силой молнии. Что, если моя магия работает не на заклинаниях, а на чем-то другом? На просьбе? На сотрудничестве?

Я подошла и коснулась листа. Он был прохладным, живым.

- Послушай, – прошептала я, вкладывая в слова все свое отчаяние и надежду. – Мне очень нужна твоя помощь. Видишь ту дверь? Проникни в замочную скважину. Помоги мне.

Я сосредоточила на нем всю свою волю. И почувствовала... шевеление. Ощущение легкого тока, идущего от моей руки в растение. Побег дрогнул и... медленно потянулся к двери. Я замерла, боясь дышать. Тонкая зеленая лоза поползла по стене, добралась до замочной скважины и исчезла в ней. Прошла мучительная минута. Раздался тихий, но такой желанный щелчок.

Я рванула ручку. Дверь бесшумно отворилась. За ней оказалась узкая, темная лестница, уходящая вниз. Еще один путь к отступлению был открыт. Но я не знала ни куда он ведет, ни что ждало меня внизу. Рисковать было нельзя, и я тихонько прикрыла дверь.

Время пришло. Быстро переодевшись в серое платье и накидку, я привязала к спине сверток с пожитками. Деньги лежали в потайном кармане, который я соорудила, оторвав подкладку у накидки. Я подошла к окну, распахнула его. Холодный воздух обжег лицо. Где-то внизу слышались голоса – похоже, слуги суетились у парадного входа, готовясь к встрече «жениха». Идеальное время для того, чтобы его не дожидаться.

Я перекинула ногу через подоконник, ухватилась за толстые, шершавые ветки плюща и начала спускаться. Сердце

бешено колотилось, в ушах стоял звон. Каждый скрип лозы, каждый шорох казался оглушительным. Я не смела смотреть вниз, сосредоточившись на том, чтобы цепляться и перемещаться.

Спуск показался вечностью. Но вот мои ноги коснулись твердой земли – узкой, мощеной дорожки под окном. Я прижалась к холодной стене, оглядываясь. Никого. Слухи о дегустации вин, видимо, были правдой – большая часть слуг и охраны была сосредоточена у главного входа.

Прячась в тени кустов, я побежала. Прочь от этого дома. Прочь от Вайды Ленстер. Прочь от графа Мортон, который, я надеялась, теперь будет развлекаться в одиночестве.

Я не знала, куда бегу. Но я знала, что бегу в свою новую жизнь. В жизнь новой Лидии. И первый шаг к этой жизни был сделан. Следующей остановкой будет столица. И моя собственная цветочная лавка.

Глава 3

Если бы кто-то описал мне мой побег в духе приключенческих романов, он, наверное, представил бы его как изящный спуск по шелковым простыням, лихой прыжок на оседланного верного коня и стремительную скачку под аккомпанемент ликующих фанфар. Реальность, как это обычно и бывает, оказалась куда прозаичнее и... грязнее.

Мой «верный конь» представлял собой собственные две ноги, которые уже через пару километров начали подозрительно ныть и напоминать о том, что тело Вайды никогда не знало ничего тяжелее прогулки по парку. Шелковые простыни заменял старый, колючий плющ, оставивший на моих ладонях ссадины и занозы. А вместо фанфар в ушах стояла оглушительная тишина, нарушаемая лишь собственным прерывистым дыханием и навязчивой мыслью: «А может уже хватит? Может, вернуться? Там ведь тепло и есть еда...»

Эту мысль я гнала от себя с таким остервенением, с каким когда-то отмахивалась от назойливых мух в своей цветочной лавке. Возврата не было. Только вперед.

Первые часы были сплошной паникой. Я бежала по той самой узкой дорожке, что огибала поместье, затем свернула в кусты, потом просто побежала прочь от дома, не разбирая дороги. Колючие ветки хлестали по лицу, подол серого платья моментально вымок от росы и грязи и тяжело шлепал по

ногам. Я споткнулась о корень и растянулась во весь рост, с силой хватая ртом холодный воздух. Лежа в мокрой траве, я смотрела на небо, окрашенное в нежные тона, и думала, что, пожалуй, это самая нелепая смерть для женщины с душой пенсионерки – задохнуться от бега в восемнадцатилетнем теле.

Но инстинкт самосохранения, отточенный за годы жизни с тираном, оказался сильнее. Я поднялась, отряхнулась – бесполезное занятие, так как вся спина и руки были в грязи – и пошла дальше, уже не бежала, а именно шла, экономя силы. Мне нужно было найти дорогу. Большую, наезженную дорогу, ведущую в столицу. Понимание этого пришло ко мне не как озарение, а как единственная разумная мысль в хаосе страха. Бродить по лесу означало заблудиться и умереть с голоду или стать добычей волков, существование которых в этом мире я не исключала.

Я шла, ориентируясь по солнцу, которое, к счастью, здесь вставало примерно в той же стороне, что и в моем старом мире. Поместье Ленстеров, как я помнила из обрывков знаний Вайды, находилось к северу от столицы. Значит, нужно было двигаться на юг.

Через несколько часов блужданий по чащобе я наткнулась на узкую, но хорошо утопанную тропинку. Она выглядела более многообещающе, чем лесная глушь. Я свернула на нее и вскоре с облегчением увидела, что тропинка переходит в настоящую, хоть и грунтовую, дорогу.

Дорога. Это звучало гордо. На деле же это был ухабистый путь из грязи и камней, по которому временами проезжали телеги. Первую из них я услышала задолго до появления – скрип колес и ржание лошади разносились по округе. Мгновенно шмыгнув в кусты, я наблюдала, как мимо проходит тяжело груженная повозка, запряженная парой усталых кляч. Возница, бородатый мужчина в потрепанной одежде, что-то напевал себе под нос. Я не решилась выйти. Кто знает, не ищут ли уже беглую дочь герцога? Не обещана ли награда за ее поимку? Доверять нельзя никому.

Это стало моим правилом номер один. Я шла по обочине, прислушиваясь к каждому звуку. При приближении любого экипажа или всадника я ныряла в придорожные заросли и пережидала, пока они не скроются из виду. Это замедляло движение до черепашьяго, но зато давало иллюзию безопасности.

К полудню голод напомнил о себе настойчивым урчанием в животе. Я не ела с прошлого вечера, а бегство и дорога отняли все силы. Я присела на пенек у края дороги и развязала свой сверток. Кроме одежды и полусапожек, я прихватила с собой пару яблок и ломоть хлеба, которые стащила с утреннего подноса. Еда показалась мне самой вкусной в моей жизни – и в этой, и в прошлой. Каждый кусочек хлеба был сладким, каждое яблоко – нектаром. Я ела медленно, смакуя, и чувствовала, как силы понемногу возвращаются.

Жажду утоляла из ручья, который нашла неподалеку.

Помня о средневековых (или как там их в этом мире) санитарных нормах, я пила осторожно, маленькими глотками, надеясь, что местные микробы не свалят меня с ног. Риск, но выбора не было.

К вечеру первого дня я была похожа на затравленного зверька. Ноги гудели, спина ныла от постоянного напряжения, а в душе поселилась стойкая усталость. Нужно было найти место для ночлега. Спать прямо у дороги было опасно. Я свернула в лес, углубилась достаточно, чтобы меня не было видно, и нашла небольшое углубление между корнями огромного дуба. Это было не лучшее убежище, но хоть какое-то.

Ночь стала для меня настоящим испытанием. Холод проникал сквозь тонкую шерсть платья и накидку. Каждый шорох, каждый хруст ветки заставлял меня вжиматься в землю, затаив дыхание. Я не спала, а лишь впадала в короткие, тревожные моменты забытья, просыпаясь от собственного стука сердца. В голове крутились страшные картины: меня находят солдаты отца, или на меня нападают разбойники, или просто волк решает, что я – отличный ужин.

К утру я была разбита морально и физически. Но солнце, пробивавшееся сквозь листву, снова подарило кроху надежды. Я выползла из своего укрытия, промокая, замерзшая, вся в прошлогодних листьях, и побрела обратно к дороге.

Второй день был похож на первый, только боль в ногах стала острее, а голод – навязчивее. Яблоки и хлеб закончи-

лись. Приходилось пить одну воду и искать съедобные, на мой взгляд, ягоды. Я с опаской пробовала незнакомые растения, помня, что в этом мире флора могла быть совсем иной. К счастью, мне попались кусты с чем-то, напоминающим лесную землянику, только более кислой. Это спасло меня от голодного обморока.

К концу второго дня я увидела вдали первые признаки цивилизации – дымок из труб одиноких ферм. Я обходила их стороной, хотя вид дымящихся труб и запах готовящейся еды сводили с ума. Соблазн постучаться, попросить помощи был огромен. Но страх быть узнанной или преданной был сильнее.

На третий день дорога стала шире и оживленнее. Теперь мне приходилось прятаться чаще. Я увидела первых путников – не только возниц, но и пеших торговцев, паломников, группы крестьян. Я слышала обрывки их разговоров, доносившиеся с дороги. Говорили о погоде, о ценах на зерно, о каких-то придворных новостях, в которых я ничего не понимала. Никто не упоминал о беглой дочери герцога. Это было обнадеживающе. Может, они еще не успели оповестить всех? Или мое исчезновение не сочли важным? Последнее было даже немного обидно.

К полудню я увидела то, от чего у меня перехватило дыхание. Вдали, в дымке, вырисовывались очертания башен и высоких стен. Столица. Она была огромной. Больше, чем я представляла. Вид этого каменного исполина одновременно

воодушевил и напугал меня. Там, за этими стенами, была моя новая жизнь. И там же таились новые опасности.

Последний отрезок пути стал самым тяжелым. Дорога превратилась в широкий тракт, заполненный людьми, телегами, всадниками. Прятаться стало практически невозможно. Я шла, опустив голову, кутаясь в капюшон накидки, стараясь слиться с толпой. Я, наверное, выглядела как одна из многих деревенских девушек, пришедших в город на заработки. Грязь на платье и лице работала мне на руку.

Ворота города были огромными, дубовыми, с массивными железными скобами. Возле них стояла стража – несколько человек в латах, с заспанными, но бдительными лицами. Они лениво наблюдали за входящим потоком, изредка останавливая кого-то для досмотра. Сердце ушло в пятки. А что, если у них есть мое описание? Что, если меня ждут?

Я замерла в нерешительности, пропуская вперед себя группу крестьян с телегой, груженной сеном. Надо было идти. Стоять на месте – значит привлекать внимание. Я глубоко вдохнула, представив себя снова Лидией Ивановой, которая просто идет на рынок, и шагнула вперед, стараясь идти уверенно.

Один из стражников, молодой парень с прыщавым лицом, скользнул по мне взглядом. Он задержался на моем лице на секунду дольше, чем нужно. Я почувствовала, как кровь отливает от лица. Вот оно. Сейчас он окликнет меня...

- Эй, красотка, не хочешь составить нам компанию? – про-

бурчал он с тупой ухмылкой.

Это было настолько неожиданно и глупо, что я чуть не рассмеялась от нервного срыва. Я просто покачала головой и, не меняя темпа, прошла мимо, внутрь города. Он что-то крикнул мне вслед, но я уже не разбирала слов. Я была в городе. Я сделала это.

Первое, что ударило по мне внутри городских стен – это шум. Гомон голосов, скрип колес, лошадиное ржание, крики торговцев. И запахи. Пряные, сладкие, кислые, откровенно вонючие – все смешалось в один густой, тяжелый коктейль. После тишины леса и дороги это было оглушительно.

Я стояла, прислонившись к стене у ворот, и не могла двинуться с места. Толпа людей, узкие, извилистые улочки, нависающие друг над другом фахверковые дома – все это давило на меня, вызывая легкую панику. Я была здесь. В столице. Одна. Без гроша за душой? Нет, с деньгами Вайды в кармане. Но что делать дальше?

Первый этап моего плана был выполнен. Я сбежала. Я добралась до столицы. Теперь начинался второй, самый сложный – остаться здесь. Найти кров. Найти работу. Стать кем-то. Вернуться к себе. К Лидии.

Сделав еще один глубокий вдох, на этот раз пахнувший городской пылью, навозом и надеждой, я оттолкнулась от стены и шагнула в гудящий, незнакомый мир. Мне нужно было найти место, где можно было переночевать, не вызывая подозрений. А наутро – начать искать ту самую заброшен-

ную лавчонку, о которой я мечтала. «Сад Вайды» ждал своего часа.

Глава 4

Если бы столица королевства была живым существом, то район, в который я забрела, определенно был бы его больной, облезлой и слегка вонючей лапой. Узкие, кривые улочки, больше похожие на щели между домами, были залиты чем-то темным и липким, что на поверку оказалось не то выплеснутыми нечистотами, не то остатками какого-то давно забытого варева. Воздух густо пах дешевым пивом, кислым потом и отчаянием. После удушающей, но все же пахнувшей цветами и деревьями, роскоши поместья Ленстеров, это место било по носу с силой кулака деревенского кузнеца.

Но у меня не было выбора. Мой внутренний компас, настроенный на поиск самого дешевого и неприметного угла, привел меня сюда. Я шла, прижимая к себе свой тощий сверток, и старалась не смотреть по сторонам, хотя краем глаза успевала отмечать темные подворотни, из которых доносился хриплый кашель, и замызганные витрины лавчонок, торгующих бог знает чем.

Моя цель была проста – найти ночлег. Не дворец, не даже приличную гостиницу, а просто крышу над головой, где можно было бы проспать одну ночь, не будучи ограбленной или убитой. В идеале – за сумму, которая не оставила бы меня полностью без гроша.

И вот он, мой приз – вывеска, скрипевшая на ржавой це-

пи. На куске криво обтесанной доски кто-то когда-то коряво вывел краской изображение существа, отдаленно напоминающего лошадь с торчащим из лба обломком рога. Подпись гласила: «У Пьяного Единорога». Звучало многообещающе. Но, по крайней мере, честно.

Я толкнула тяжелую, низкую дверь, и меня окутало облако пара, смешанного с запахом старого табака, жареного лука и немытых тел. Обшарпанная комната была заполнена людьми, чей внешний вид красноречиво говорил об их социальном статусе – где-то на уровне придорожной пыли. Несколько пар глаз лениво и без особого интереса скользнули по мне. Я, видимо, идеально вписалась в интерьер.

За стойкой, представлявшей собой грубый деревянный щит, положенный на две бочки, стоял хозяин заведения. Мужчина громадного роста, с багровым лицом, украшенным паутиной лопнувших капилляров, и руками мясника. Он что-то вытирал грязной тряпкой, и я помолилась всем богам этого и своего мира, чтобы это не была кружка, из которой мне предстояло пить.

- Чего тебе? – буркнул он, не глядя на меня.

Я сделала шаг вперед, стараясь, чтобы мой голос не дрожал.

- Мне нужна комната. На одну ночь. Самая дешевая.

Он наконец поднял на меня взгляд. Его маленькие, заплывшие глазки оценивающе проехали по моему грязному платью, бледному лицу и спутанным волосам.

- Пять медяков, – проскрипел он. – Оплата вперед. За ванну – доплата. Горячая вода – еще доплата. Ужин – тем более.

Пять медяков. Я лихорадочно пыталась сориентироваться в местной валюте. В сумочке Вайды были в основном серебряные и золотые монеты. Я смутно помнила, что одна серебряная равна ста медякам. Значит, пять медяков – это сущие копейки. Но насколько они сущие? Насколько хватит моих сбережений? Я понятия не имела о ценах в этом городе. Это было хуже, чем пытаться разобраться в криптовалютах в мои пятьдесят восемь лет в своем мире.

- Комната есть? – переспросила я, чтобы выиграть время.

- Есть каморка под крышей. Без окна. Зато дешево, – он усмехнулся, обнажив пожелтевшие зубы. – Или хочешь с видом на парк? Только парка тут нет.

«Каморка под крышей» звучало как то, что мне нужно. Неприметно и дешево.

- Я возьму ее, – сказала я, доставая из потайного кармана бархатную сумочку.

Хозяин заметил это движение, и в его глазах мелькнула искорка интереса. Черт, надо было быть осторожнее! Я поспешно отсчитала пять медных монет из тех немногих, что нашлись в кошельке. Мои пальцы дрожали, когда я протягивала ему деньги. Он взял их, ловко пересчитал одним движением и сунул за пазуху.

- Ведж, проводи барышню наверх! – крикнул он в пространство.

Из-за стойки возник тощий, веснушчатый подросток с выпученными глазами.

- Сейчас, хозяин!

Я последовала за ним по скрипучей, крутой лестнице, которая, казалось, вот-вот развалится под ногами. Ведж привел меня на самый верх, в узкий коридор, где пахло пылью и сыростью. Он толкнул одну из низких дверей.

- Вот ваши апартаменты, леди, – сказал он с пафосом, которому позавидовал бы любой церемониймейстер.

«Апартаменты» оказались помещением размером с гардероб в поместье Ленстеров. Здесь стояла узкая, продавленная кровать с торчащими пружинами, крошечный табурет и ночной горшок в углу, содержимое которого, к счастью, успело высохнуть. Окна и правда не было, только маленькое слуховое окошко под самым потолком, пропускавшее тусклый луч света, в котором плясали пылинки. Зато было дешево.

- Спасибо, – пробормотала я.

Ведж кивнул и удалился. Я заперла дверь на щеколду – слабое, но хоть какое-то утешение – и прислонилась к ней спиной. Я была в безопасности. На одну ночь.

Первым делом я развернула свой сверток. Серое платье, в котором я проделала весь путь, выглядело так, будто его протащили на веревке за телегой по всей округе. Оно было в пыли, грязи, пятнах от травы и пота. Паутина украшала рукава, а подол был протерт до дыр в нескольких местах. Я вздохнула. Завтра мне предстояло искать жилье и, возмож-

но, работу. В таком виде меня бы, в лучшем случае, приняли за сумасшедшую попрошайку.

Я сняла платье и принялась отчищать его, как могла. С помощью воды из глиняного кувшина, стоявшего на табурете, и уголка своей же накидки я пыталась оттереть самые явные пятна. Это было похоже на попытку вычистить уголь до белизны. Результат, мягко говоря, не впечатлял. Платье стало просто чуть менее грязным, но все еще кричало о своем «дорожном» происхождении.

Я посмотрела на свое отражение в воде кувшина. Искажённое лицо смотрело на меня. Растрепанные волосы, посиневшие от холода губы, огромные испуганные глаза на бледном, испачканном в грязи лице. Я была похожа на привидение, только что вылезшее из болота. Таким меня никто и никуда не пустит.

И тогда я решилась. Я должна рискнуть. Потратиться. Вспомнила слова хозяина: «Горячая вода – доплата». Роскошь. Неприлично дорогая, судя по его тону, роскошь. Но что делать? Инвестиция в будущее. Как если бы я в своей прошлой жизни потратилась на дорогой костюм для собеседования.

Снова спустившись вниз, я подошла к стойке. Хозяин с тем же выражением лица вытирал ту же самую кружку.

- Еще чего? – буркнул он.

- Мне... мне нужна ванна. С горячей водой, – выпалила я, ожидая, что он назовет цену, равную стоимости небольшого

дома.

Он хмыкнул.

- Горячая ванна? Два серебряных.

Два серебряных! Это было две сотни медяков! Сорок таких ночей, как моя! У меня в горле пересохло. Это было грабежом среди бела дня. Но я посмотрела на свои грязные ноги, на пятно неизвестного происхождения на рукаве рубашки, и решимость во мне окрепла.

- Хорошо, – прошептала я, снова доставая свою злополучную сумочку. Я отсчитала две серебряные монеты. Они уходили из моих рук с таким щемящим чувством утраты, будто я отдавала частицу собственной души.

Хозяин, казалось, был слегка удивлен моей готовностью платить. Он взял деньги и крикнул:

– Ведж! Горячая вода для барышни! Полную бочку!

Через полчаса я сидела в деревянной бочке, стоявшей в крошечной, пропахшей плесенью каморке за кухней. Вода была не то чтобы очень горячей, скорее очень теплой, но после трех дней дороги и ночи на холодной земле это ощущалось как блаженство нирваны. Я смывала с себя грязь, пот и страх. Каждая крупинка отсохшей земли, уплывавшая с моей кожи, была крупницей прошлой жизни.

Я сидела в воде, пока она не начала остывать, и чувствовала, как моральное и физическое напряжение постепенно отпускает. Деньги были потрачены. Возможно, неразумно. Но когда я вышла из бочки и вытерлась грубым, но чистым

полотенцем, которое выдал Ведж, я почувствовала себя не безродной беглянкой, а... человеком. Усталым, напуганным, но человеком, а не загнанным зверем.

Надев чистое (относительно) нижнее белье и завернувшись в свою накидку, я вернулась в свою каморку. Грязное платье я повесила на спинку табурета, надеясь, что за ночь оно хоть немного проветрится. Завтра мне предстояло выйти в город и найти что-то получше. И выглядеть мне нужно было... прилично. Или, по крайней мере, не как обитатель помойки.

Лежа на скрипучей кровати и глядя в темноту на тусклый квадратик слухового окошка, я считала свои оставшиеся деньги. Потратилась я уже прилично. Надо было искать работу. И жилье подешевле. Или, может, ту самую лавку, о которой я мечтала? Но для этого нужны были деньги на аренду, на товар... Голова шла кругом.

Но несмотря на страх и неуверенность, на душе было странно спокойно. Я была здесь. В городе. Я была чистой. И завтра будет новый день. Первый день моей новой, настоящей жизни. А пока я закрыла глаза и, впервые за долгое время, уснула крепким, безмятежным сном, не просыпаясь от каждого шороха.

Глава 5

Утро в «Пьяном Единороге» началось с симфонии храпа, доносившегося сквозь тонкие стены, и запаха подгоревшей каши, который, казалось, впитался в саму древесину этого места. Я проснулась от собственного чихания – пыль с балок над моей головой была похожа на сезонное явление, вроде снегопада, только менее романтическое и вызывающее астму.

Щеколда на двери закрипела, когда я ее отодвигала, словно предупреждая весь этаж о моем побеге. Спускаясь по скрипучей лестнице, я чувствовала себя чуть более человеком и чуть менее загнанным зверем. Ночлег, пусть и в каморке, и горячая ванна сделали свое дело – я была отдохнувшей, чистой и... чертовски голодной. Но тратить деньги на завтрак здесь я не собиралась. Экономия, дорогая моя, экономия.

Хозяин заведения стоял на том же месте, будто декорация, без которой гостиница развалилась бы. Он что-то жевал, глядя в пространство.

- Сдаю ключ, – сказала я, кладя на стойку грубый железный ключ.

Он медленно перевел на меня взгляд, проглотил.

- Что, не понравилось? – усмехнулся он. – Могу предложить номер с тараканами побойчее. Веселее будет.

- Спасибо, я пока воздержусь от дополнительных сожите-

лей, — буркнула я и, не дожидаясь ответа, вышла на улицу, хлопнув дверью.

Воздух снаружи, несмотря на всю свою сомнительную чистоту, показался мне нектаром после атмосферы «Единорога». Стояла ранняя осень. Утро было прохладным, но солнце, пробивавшееся сквозь дымку и крыши домов, обещало день относительно теплый. Я помнила эти холодные ночи в пути и мысленно поблагодарила себя за то, что не сэкономила на ванне, которая согрела мое прозябшее тело.

Я решила двигаться вглубь города, туда, где, по моей логике, должны были быть лучшие районы и, следовательно, больше возможностей. Мой путь был похож на движение по эволюционной лестнице — от амебы к человеку. Чем дальше я уходила от окраины, тем шире и чище становились улицы. Грязь под ногами сменилась аккуратной брусчаткой, кривые лачуги — на каменные дома с резными фасадами и цветами на подоконниках. Исчезли подозрительные личности из подворотен, их сменили горничные с корзинками, служанки и даже пара господ, важно вышагивающих по своим делам. Я чувствовала себя нищенкой, забредшей на королевский прием, и невольно подтянула свой узелок и поправила платье, которое, увы, даже после вчерашних усилий выглядело так, будто в нем ночевала вся дорожная пыль королевства.

И вот я вышла на нее. Улицу, которая, казалось, состояла из одних только магазинов. Она не просто сверкала — она сияла, переливалась и благоухала. Витрины! О, эти витри-

ны! В одной мерцали украшения из золота и серебра, в другой были разложены ткани таких цветов и фактур, что у меня перехватило дыхание – бархат, глубокий, как ночь, шелк, струящийся, как вода, кружева, воздушные, как паутина. А запахи! Из дверей булочной вырывался теплый, сдобный дух свежего хлеба и корицы, смешиваясь с ароматом кофе из соседнего заведения – напитка, о котором я в этом теле, кажется, успела позабыть, но моя душа узнала его мгновенно. Пахло дорого, богато и беззаботно. Пахло жизнью, которой у меня никогда не было.

Я зазевалась, как провинциалка на своем первом параде. Шла, рот открыв, зыря глаза по сторонам, полностью погруженная в этот калейдоскоп роскоши. Я забыла о своей миссии, о деньгах, о страхе. Я просто смотрела и вдыхала эту новую, головокружительную реальность.

Именно поэтому я не заметила его.

Налетела на что-то твердое и высокое, как скала. Мой узелок выскользнул из рук и шлепнулся на мостовую, а я сама, отлетев на шаг, едва удержалась на ногах, схватившись за... за рукав чьего-то дорогого, темно-серого плаща.

- Ой! Простите! – выпалила я, опомнившись.

Передо мной стоял мужчина. Высокий, стройный, лет, на мой взгляд, около тридцати. У него были темные, почти черные волосы, собранные у затылка в небрежный хвост, и резкие, четкие черты лица. Но больше всего меня поразили его глаза – серые, холодные, как зимнее небо, и в них читалось

такое глубокое, почти физическое раздражение, что мне стало не по себе. Он смотрел на меня так, будто я была особенно назойливым насекомым, посмевающим прервать его величественный путь.

- Вы всегда так невнимательно передвигаетесь по городу? – произнес он. Голос у него был низким, бархатным, но каждый звук был отточен, как лезвие, и обдавал ледяным презрением.

Мое первоначальное чувство вины мгновенно испарилась, сменившись обидой и досадой.

- Я... я отвлеклась, – попыталась я оправдаться, подбирая свой несчастный узелок. – Витрины...

- Витрины, – повторил он, и в его голосе прозвучала ядовитая насмешка. – Да, они, безусловно, достойны того, чтобы из-за них устраивать столкновения с пешеходами. Позвольте пройти.

Он не сделал ни шага, продолжая смотреть на меня сверху вниз, ожидая, что я уберусь с его дороги. В его позе, во взгляде, в каждом мускуле читалось одно: «Посторонись, плебейка».

Жаркая волна гнева прилила к моим щекам. Внутри закипела та самая, знакомая по прошлой жизни, ярость – ярость унижаемой женщины. Но здесь, на улице, в теле восемнадцатилетней девушки, я не могла ничего сказать. Я просто отпрыгнула в сторону, как испуганная мышь.

Он прошел мимо, даже не кивнув, плащ развевался за его

спиной. Я стояла и смотрела ему вслед, чувствуя, как по моим щекам разливается краска стыда и злости. Какой наглец! Какое высокомерие! «Позвольте пройти»... Да я бы в своей прошлой жизни, с моим-то опытом, устроила ему такую лекцию о манерах...

Но лекцию читать было уже некому. Он скрылся в толпе, а я осталась стоять с комом обиды в горле и своим жалким узелком в руках. Вся радость от прогулки по красивой улице куда-то испарилась. Этот человек одним своим взглядом сумел напомнить мне, кто я есть на самом деле – замарашка с окраины, не имеющая права даже заслонять собой вид на витрины.

Мне нужно было срочно поднять себе настроение. И, что более практично, понять, в каком ценовом диапазоне я вообще могу что-то себе позволить в этом городе. Я посмотрела на витрины. Один магазин, торгующий платьями, показался мне менее ослепительным, чем другие. Вывеска была скромнее, а манекены одеты не в кричащие бальные наряды, а в более практичные, повседневные платья. Решив, что это мой уровень, я глубоко вдохнула и толкнула дверь.

Внутри пахло тканями и мелом. Магазин был небольшим, но уютным. За прилавком стояла женщина лет сорока с добрым, но усталым лицом и седыми прядями в темных волосах.

- Доброе утро, – сказала она, и в ее голосе не было ни капли высокомерия.

- Доброе утро, – с облегчением ответила я. – Я просто по-

смотрю.

- Конечно, дорогая. Если что-то понравится – скажите, можно примерить.

Я стала бродить между стеллажами, осторожно трогая ткани. Здесь не было бархата и шелка, в основном добротная шерсть, лен, хлопок. Я нашла стойку с простыми платьями, похожими на мое, но, разумеется, новыми и чистыми. Украдкой посмотрела на ценник, приколотый к рукаву одного из них.

«Три серебряных».

Я чуть не поперхнулась. Три серебряных! Триста медяков! Шестьдесят ночей в «Пьяном Единороге»! На одно платье! Я посмотрела на другие ценники. Юбки – от полутора серебряных. Блузки – от одного. Это было дорого. Очень дорого. Мои сбережения, которые казались мне таким солидным капиталом, вдруг съежились до размеров жалкой подачки.

- Все так дорого, – не удержалась я, вздохнув.

Хозяйка магазина мягко улыбнулась.

- Качество, дорогая. Ткань хорошая, пошито на совесть. Пронесишь не один год. А те, что дешевле, – она махнула рукой в сторону, – на рынке можно купить, но через две недели швы разойдутся.

Я понимающе кивнула. Да, я знала эту разницу между дешевым и качественным. Но от осознания того, что я не могу позволить себе даже «качественное» простое платье, ста-

ло горько. Я поблагодарила женщину и вышла из магазина, чувствуя себя еще более потерянной.

Теперь, глядя на сверкающие витрины, я видела не красоту, а ценники. Каждый лаковый ботинок, каждая шляпка, каждая кружевная перчатка кричали мне: «Тебе это не по карману! Ты здесь чужая!»

Мое первоначальное восхищение сменилось трезвым, холодным расчетом. Этот город был красивым, но безжалостным. Чтобы выжить здесь, мне нужен был не только план, но и железная воля. И, как ни странно, эта мысль не испугала, а заставила собраться. Ладно. Значит, придется начинать с самого низа. С рынка, с дешевых тканей, с поиска любой работы.

Я посмотрела на свое потрепанное платье уже без стыда, а с пониманием. Это была не одежда неудачницы. Это была моя боевая форма. Форма человека, который только начинает свой путь.

Глава 6

После визита в этот изящный магазинчик и столкновения с ходячим олицетворением высокомерия, мир снова обрел четкие, пусть и не слишком радужные, контуры. Роскошь центральных улиц была не для меня. По крайней мере, пока. Мне нужен был практичный, приземленный подход. И он носил название «рынок».

Продавщица в магазине тканей, видя мое искреннее горе при виде ценников, сжалилась и махнула рукой в сторону, объяснив, как пройти на городской рынок. «Там и ткани попроще, и платья готовые есть, недорого. Качество, конечно, не ахти, но для начала сгодится».

Дорога на рынок снова вела вниз по социальной лестнице, но на этот раз я смотрела на нее не с ужасом, а с деловым интересом. Узкие улочки стали оживленнее, приятные запахи сменились густой смесью ароматов: спелых фруктов, парного мяса, свежей рыбы, пряностей, кожи и пота. Воздух гудел от криков торговцев, споров покупателей, ржания лошадей и скрипа телег. Это был не парадный фасад города, а его кухня, шумная, хаотичная и полная жизни.

И вот он, рынок. Огромная площадь, заставленная лотками, палатками и прилавками, ломившимися от товаров. Глаза разбегались. Здесь было все: от горшков и веников до живых кур и связок лука. Я протиснулась в толпу, чувствуя се-

бя песчинкой в этом бурлящем человеческом море.

Моя цель – одежда. Я быстро нашла ряд, где торговали готовыми платьями. Прилавки ломились от груды одежды самых немыслимых расцветок. Качество, как и предупреждали, оставляло желать лучшего. Ткани были простыми, часто грубоватыми, швы кое-где кривые. Но все выглядело чистым и опрятным. И, что самое главное, на них не было тех душе-раздирающих ценников.

Я присмотрела себе простое платье из темно-синего саржевого хлопка. Скромное, без украшений, с длинными рукавами и высоким воротником. Оно было похоже на униформу бедной, но уважающей себя гувернантки. Как раз то, что нужно, чтобы не привлекать лишнего внимания, но и не выглядеть полной замарашкой.

- Почему это? – спросила я у торговки, дородной женщины с хриплым голосом и быстрыми, как у бурундука, руками.

- Для тебя, красавица, – сто медяков! – выпалила она, сверкая глазами.

Я нахмурилась, изобразив скепсис, которому научилась, торгуясь за цветы на оптовом рынке в прошлой жизни.

- Восемьдесят, – сказала я твердо. – Ткань-то простая, и шов на боку кривоват.

Торговка ахнула, как будто я предложила ей отрезать палец.

- Восемьдесят? Да я себе в убыток отдаю! Девяносто пять, последняя цена!

- Восемьдесят пять, – парировала я. – И то, потому что цвет мне нравится.

Мы еще немного потягались, и в итоге сошлись на девятиста медных монетах. Я все же была не в своей лиге, но чувствовала маленькую победу. Отсчитала деньги, ощущая легкий укол сожаления – сумма была немаленькой, но это была необходимая инвестиция.

Завернув новое приобретение, я не стала выкидывать свое старое, дорожное платье. Оно было грязным и потертым, но крепким. Выбрасывать его было бы расточительством. В хозяйстве все сгодится. Я аккуратно свернула его и положила в свой сверток, который становился все увесистее.

Пока торговка отсчитывала сдачу, я решила попробовать разговорить ее.

- Спасибо вам, – сказала я как можно приветливее. – А не подскажете, тут недалеко, говорят, помещение одно сдается? Не для жилья, а под лавку маленькую.

Торговка посмотрела на меня с новым интересом.

- Лавку? А что торговать-то будешь, деваха? Не цветочки же? – она фыркнула, словно цветы были последним, в чем нуждался город.

У меня в голове что-то щелкнуло. «Цветочки»... Почему бы и нет?

- А что, разве цветы не пользуются спросом? – поинтересовалась я, стараясь, чтобы голос звучал просто из любопытства.

- Да кто их сейчас покупает-то? – махнула она рукой. – Барыни богатые – те в своих оранжереях разводят, а просто-му люду не до красоты, хлеб бы был. Вот мясо, мука, овощи – это да. А цветы... – она снова фыркнула, но потом задумалась. – Хотя... вон на Улице Теней, в конце Центральной, одна лавчонка пустует. Раньше там сапожник был, помер старый. Хозяин, слышала, никак не найдет съемщика. Место тихое, народ бедный. Может, тебе подойдет? Дешево, наверное, возьмет.

Улица Теней. Звучало зловеще, но многообещающе. Рядом с центром, но в тихом, бедном районе. И дешево. Это было именно то, что мне нужно.

- А где именно? – спросила я, стараясь не выдать своего волнения.

Торговка подробно объяснила дорогу: идти до конца Центральной улицы, свернуть в переулок за большим храмом из белого камня, и там будет эта самая Улица Теней. Помещение – с темно-зеленой дверью, на ней, может, еще остался след от вывески сапожника.

Поблагодарив ее от всей души, я покинула шумный рынок, прижимая к себе свой сверток. В голове уже строились планы. Улица Теней... Мне нравилось это название. Оно было не парадным, не показным. Оно было честным.

Я снова прошла по Центральной улице, но на этот раз не засматривалась на витрины. Я шла с определенной целью. Дойдя до конца, я увидела указанный храм – величественное

здание из белого камня с остроконечными шпилями. Свернув за него, я попала в другой мир.

Шум центральной улицы стих, сменившись тихим, почти звенящим спокойствием. Улица Теней была узкой, мощеной булыжником, по которому уже успела пробиться трава. Дома здесь были старыми, но крепкими, с потемневшими от времени деревянными балками. Они стояли тесно, словно поддерживая друг друга. Из открытых окон доносились звуки – чей-то кашель, плач ребенка, скрип прялки. Здесь пахло старым деревом, дымом из печных труб и... тишиной. Это было не заброшенное и не неблагополучное место, а просто спокойное, немного сонное.

Я прошла по улице, высматривая темно-зеленую дверь. Нашлась она почти сразу, что тоже меня порадовало. Если посмотреть назад, то модно увидеть Центральную улицу. Небольшое, приземистое здание, втиснутое между двумя другими. Дверь была именно темно-зеленой, краска на ней облупилась, и на ней действительно угадывались очертания снятой вывески – что-то вроде сапога. Окно было грязным, запыленным, сквозь него ничего не было видно.

Мое сердце забилося чаще. Это было оно. Место, где мог родиться «Сад Вайды». Оно выглядело невзрачным, заброшенным, но в его тихой, стойкой атмосфере было что-то... надежное. Оно не пыталось казаться тем, чем не было.

Я постояла несколько минут, просто глядя на эту дверь. Где-то там, за слоями пыли и прошлого, была моя будущая

лавка. Мое убежище. Мой дом.

Доставать сбережения и искать хозяина сейчас я не решилась. Нужно было все обдумать, узнать цену, подготовиться. Но я знала, что вернусь сюда. Обязательно.

С чувством, будто я нашла спрятанный клад, я повернулась и пошла обратно, к своему временному пристанищу в «Пьяном Единороге». На душе было и тревожно, и невероятно светло. У меня было новое платье. У меня было направление. И у меня была Улица Теней, которая ждала своего цветочника. Осталось только убедить хозяина этой темно-зеленой двери, что ему нужна в арендаторы именно я.

Глава 7

На следующее утро я покинула «Пьяного Единорога» с чувством, будто отправляюсь на важнейшие переговоры в своей жизни. Ведь, по сути, так оно и было. На мне было мое новое синее платье. Оно сидело на мне чуть мешковато, пахло рынком и дешевым мылом, но было чистым и целым. Я чувствовала себя в нем если не леди, то по крайней мере respectable служанкой, и это уже был прогресс.

Дорога до Улицы Теней на этот раз не была наполнена трепетным ожиданием, а была продумана и выверена. Я шла, уже представляя себе, как буду торговаться с хозяином, что скажу, какие аргументы приведу. Мой сверток с пожитками казался мне теперь не символом бегства, а дипломатическим кейсом.

И вот я снова стояла перед той самой темно-зеленой дверью. Вчера, ослепленная эмоциями, я многого не заметила. Теперь же я окинула улицу деловым взглядом. Да, она была тихой по сравнению с Центральной, но отнюдь не безлюдной. Мимо размеренно проходили горожане с корзинками, парочка девушек что-то оживленно обсуждала на углу, из соседней булочной доносился теплый запах свежего хлеба. Через дорогу я заметила лавку со старой медной вывеской, на которой был изображен раскрытый фолиант. Книжная лавка. Интересно. Клиентура у них, наверное, не буйная, зна-

чит, шума особого не будет.

Место было и правда замечательным. До центра – рукой подать, но здесь царила своя, камерная и спокойная атмосфера. Идеально для моего «Сада». Люди будут заходить с шумной улицы, чтобы перевести дух, купить букетик для настроения... Мои флористические инстинкты оживали и ликовали.

И тут мой взгляд упал на то, чего я вчера не разглядела – на пожелтевший листок бумаги, пришпиленный рядом с дверью. На нем корявым почерком было выведено: «Сдается внаем. Справки по адресу: ул. Тихий Переулок, д. 5, кв. 2».

Тихий Переулок! Это же буквально за углом! По пути я читала все названия, которые мне встречались, чтобы быстрее адаптироваться на новом месте. Удача, не иначе. Я почти побежала, стараясь сохранить достоинство, но внутренне ликуя. Найти хозяина так быстро – добрый знак.

Дом №5 оказался таким же скромным и опрятным, как и вся улица. Я поднялась на второй этаж и постучала в дверь квартиры №2. Мне открыла женщина лет пятидесяти, с седыми волосами, убранными в аккуратный пучок, и добрыми, умными глазами цвета спелого ореха. Она была одета в простое, но качественное платье и смотрела на меня без подозрения, а с мягким любопытством.

- Здравствуйте, – сказала я, слегка запинаясь. – Я по объявлению. Насчет помещения на Улице Теней.

- А, понятно! – лицо женщины озарилось улыбкой. – Про-

ходите, проходите, дорогая. Я Марта.

Она впустила меня в небольшую, но уютную гостиную, пахнущую чаем и сушеными травами. Я представилась просто как Вайда, опустив фамилию, которая могла бы вызвать ненужные вопросы.

- Так вы хотите снять лавку? – уточнила Марта, усаживая меня в кресло и предлагая чаю. Я вежливо отказалась, боясь расплескать его от волнения.

- Да. Я... я хочу открыть небольшую цветочную лавку, – выпалила я, и впервые произнесла эту мечту вслух постороннему человеку.

Марта не фыркнула, как та торговка на рынке. Она внимательно посмотрела на меня и кивнула.

- Цветы... Это хорошо. На душе станет светлее, когда на нашей улице появится что-то красивое. Пойдемте, я вам покажу, что там внутри. Сама я там давно не была, с тех пор как старый сапожник Томас умер.

Мы вернулись на Улицу Теней. Марта достала из кармана связку ключей и, подобрав нужный, с щелчком открыла ту самую темно-зеленую дверь.

Запах ударил в нос – пыль, старое дерево, клей и что-то еще, неуловимо напоминающее кожу. Помещение было небольшим, примерно четыре на пять метров. Пыль лежала толстым слоем на прилавке, на единственной полке, на подоконнике. В углу валялись какие-то обрезки кожи и старые инструменты – наследие сапожника. Но сквозь эту запущен-

ность я видела потенциал. Свет из большого окна падал на деревянный пол, и я уже представляла, как здесь будут стоять ведра с цветами, как на прилавке будут красоваться готовые букеты...

- А здесь лестница наверх, – Марта показала на узкую, крутую лесенку в дальнем углу. – Там комната. Раньше Томас там жил.

Сердце у меня заколотилось. Жилье? Прямо над лавкой? Это было бы идеально! Я осторожно поднялась по скрипучим ступеням.

Комната оказалась маленькой, под самой крышей, с покатым потолком. Но в ней было то самое слуховое окошко, которое я видела снаружи, и оно пропускало достаточно света. Здесь стояла простая кровать с продавленным тюфяком, маленький стол, табурет, небольшая кухня и... чудо из чудес – в углу был раковина с медным краном!

- Вода здесь есть? – не удержалась я, пораженная.

- Холодная, да, – кивнула Марта. – Колодец общий на улице, но трубы проведены. Горячую сами грейте, конечно. И удобства во дворе. Но зато своя крыша над головой.

Для меня, познавшей прелести ночного горшка в «Пьяном Единороге» и трех дней в лесу, это казалось роскошью, достойной короля. Своя комната! С холодной, но проточной водой! Картины одна за другой проносились в моей голове: вот я ставлю на подоконник горшочек с геранью, вот застилаю кровать чистым, хоть и дешевым, бельем, вот спускаюсь

утром вниз, в свою лавку... Это был не просто бизнес-план. Это был план обретения дома.

Мы спустились вниз, и я, стараясь говорить как можно увереннее, спросила:

- Марта, а сколько вы хотите за аренду? И за лавку, и за комнату?

Мы начали торговаться. Марта оказалась женщиной справедливой, но практичной. Она назвала сумму, которая заставила мое сердце екнуть, но не остановиться. Я, в свою очередь, вспомнила все свои навыки торга с оптовиками-цветоводами и привела аргументы: помещение в запустении, требует уборки и ремонта, район тихий, не самый доходный. Мы подискутировали, и нашли компромисс – цена была ниже первоначальной, с условием, что я сама приведу все в порядок.

- И оплачивать можно помесечно, – великодушно добавила Марта. – Для начала вам так будет легче.

Я была на седьмом небе от счастья. Мы уже обсуждали детали, я почти доставала свою бархатную сумочку, чтобы внести первый задаток, как вдруг дверь лавки скрипнула и открылась.

В проеме, залитый утренним светом, стоял мужчина. Высокий, в темном плаще, с небрежно убранными в хвост черными волосами. Его серые, холодные глаза медленно обвели пыльное помещение, скользнули по Марте и... остановились на мне.

В животе у меня все сжалось в один тугой, холодный ком. Это был Он. Тот самый раздраженный мужчина, на которого я налетела вчера.

- Марта, а я смотрю, у вас открыто, – произнес он своим бархатно-ледяным голосом. Его взгляд, казалось, снимал с меня слои, видя под новым платьем все ту же неловкую, назойливую девицу, что мешала ему на тротуаре.

Марта, ни о чем не подозревая, сияла.

- Вайда, познакомься со своим будущим соседом! Господин Кай держит книжную лавку как раз напротив. Господин Кай, это Вайда, она, похоже, будет снимать эту лавку.

Он медленно перевел взгляд с меня на Марту, и в его глазах мелькнуло что-то, что я не могла расшифровать. Удивление? Раздражение? И то, и другое?

- Вайда, – повторил он, и мое имя в его устах прозвучало как диагноз. – Полагаю, вы собираетесь торговать? Надеюсь, ваш бизнес не будет сопряжен с шумом и грязью.

Я почувствовала, как кровь бросается мне в лицо. Ярость, обидная и беспомощная, закипела внутри. Этот человек был просто мастером унижать одним лишь тоном.

- Я буду торговать цветами, господин Кай, – сказала я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал. – И постараюсь не устраивать на тротуарах цветочные грядки, чтобы не мешать важным персонам.

Он приподнял одну бровь, словно удивленный моей дерзостью. Марта, почувствовав напряжение, поспешила вме-

шаться.

- Ну, вот и прекрасно! Соседи познакомились! Господин Кай, мы как раз договариваемся об аренде. Думаю, Вайде есть чем заняться, а мне с вами нужно обсудить ту книгу, что вы мне обещали.

Он кивнул Марте, бросив на меня последний, невыразительный взгляд.

- Не сомневаюсь. Удачи вам... с цветами.

И он развернулся и вышел, оставив после себя шлейф холодного раздражения и запаха старой бумаги и чего-то еще,пряного, похожего на сушеные травы.

Я стояла, все еще сжимая в кармане свою сумочку с деньгами, и пыталась перевести дух. Эйфория от найденного дома немного померкла. Мой сосед, единственный человек, которого я знала в этом районе, оказался тем самым невыносимым зазнайкой. Это был не самый лучший старт.

Но потом я посмотрела на пыльное помещение, на льющийся в окно свет, на доброе лицо Марты, и решимость вернулась. Ладно. Пусть он будет самым неприятным человеком в королевстве. Это моя лавка. Мой дом. И я никому не позволю испортить мне новый старт. Даже высокомерному, сероглазому книжному червю.

Глава 8

Расстаться с четырьмя серебряными монетами – целым состоянием по меркам «Пьяного Единорога» – было и больно, и сладко. Больно, потому что это был осязаемый кусок от моих сбережений, а сладко – потому что я получила за них ключ. Не просто железную безделушку, а ключ от собственной крепости. От своего будущего.

Марта, получив деньги, улыбнулась мне по-матерински, еще раз пожелала удачи и удалилась, оставив меня одну в пыльном царстве бывшего сапожника. Дверь закрылась, и наступила тишина, нарушаемая лишь моим собственным дыханием и шелестом мыслей в голове. Я была одна. Полностью и абсолютно. Не в чужой камерке, не на враждебной территории, а в своем пространстве. Это чувство было таким новым и ошеломительным, что я несколько минут просто стояла посреди комнаты, вдыхая запах пыли и свободы.

Первым делом я, конечно, пересчитала оставшиеся деньги. Бархатная сумочка заметно похудела, но внутри все еще позвякивало приятное количество серебра и даже пара золотых монет. Я вздохнула с облегчением. Либо жизнь в городе была не такой дорогой, как я предполагала, глядя на витрины центральных улиц, либо юная Вайда была весьма запасливой девицей и ее «булавочные» деньги копились годами. Спасибо тебе, бедная затравленная девочка, твоя бережли-

вость теперь стала моей путевкой в жизнь.

Но эйфория быстро сменилась трезвым расчетом. Деньги были, но их нужно было тратить с умом. А тратить предстояло на многое. У меня не было абсолютно ничего. Ни постельного белья, ни еды, которую можно поставить на стол, ни посуды. Ни ведра, ни тряпки, ни мыла. Предстояло закупиться всем необходимым для уборки и обустройства и лавки, и жилища. Вот тогда-то и станет ясно, насколько дешево живетсЯ в городе на самом деле.

Вспомнив, что Марта что-то говорила про двор, я решила осмотреть свои новые владения полностью. За лавкой была небольшая прихожая с выходом на задворки. Я отодвинула засов и вышла.

И обомлела.

Я ожидала увидеть крошечный, замусоренный пятачок. Но то, что открылось моим глазам, было... участком. Порядка трех соток, как я прикинула своим бывшим дачным глазомером. Он был заброшен, зарос бурьяном и какими-то колючими кустами, в дальнем углу валялась груда битого кирпича и старых досок. Но сквозь это запустение я видела рай.

Земля. Настоящая, живая земля. Не каменные полы поместья, не пыльные дороги, а черная, плодородная (я надеялась) почва. Солнце освещало почти всю площадь. Мысль ударила с такой силой, что у меня перехватило дыхание. Теплица. Здесь можно поставить теплицу! Выращивать свои цветы! Не покупать их у перекупщиков, тратя последние

деньги, а самой выращивать, выводить новые сорта, экспериментировать! Моя магия могла бы расцвести здесь в полную силу. Это было гениально. Это меняло все.

Энтузиазм захлестнул меня с новой силой. План, который до этого был абстрактным «открыть лавку», теперь обрастал конкретикой. Нужно было не просто найти поставщиков, а научиться заключать сделки в этом мире, понять, как здесь все устроено. Столько дел! Голова шла кругом, но на этот раз – от приятного волнения.

Остаток дня пролетел незаметно. Я сходила на рынок и купила самое необходимое для уборки: огромный кусок самого дешевого мыла, грубые тряпки, щетку с жесткой щетиной и метлу. Вернувшись, я снова переделалась в свое старое, дорожное платье – теперь оно стало моей рабочей униформой – и принялась за дело.

Я начала с окон и входной двери. Грязь на них была многолетней, слоеной, как пирог. Я оттирала ее с таким усердием, будто счищала с себя прошлую жизнь. Стекло поскрипывало под тряпкой, постепенно становясь прозрачным. Я мыла и представляла, как за ним будут красоваться мои букеты, привлекая прохожих.

Я так увлеклась, что не сразу заметила, что за мной наблюдают. Оборвавшись и выпрямившись, чтобы размять затекшую спину, я увидела на противоположной стороне улицы девушку. Она стояла у входа в булочную и, не скрывая интереса, смотрела на меня. Она была, наверное, чуть старше

меня (точнее Вайды), с румяными щеками, светлыми волосами, выбивавшимися из-под белого чепца, и живыми, любопытными глазами.

Увидев, что я заметила ее, она не смутилась, а наоборот, широко улыбнулась и, подобрав подол фартука, перебежала улицу.

- Привет! – сказала она бойко. – Ты новенькая? Лавку будешь снимаь?

- Да, – ответила я, сжимая в руке мокрую тряпку. – Вайда.

- А я Лора, – представилась она. – Мой папа – булочник. Прямо вот тут, – она гордо ткнула пальцем в сторону своей лавки. – А ты что тут будешь продавать? Не обувь же, правда?

Ее непосредственность была такой искренней, что я невольно улыбнулась.

- Нет. Цветы. Я буду продавать цветы.

Лора на секунду задумалась, а потом ее лицо снова озарила улыбка.

- Цветы! Здорово! У нас на улице только папа хлеб печет, господин Кай книги пыльные продает, а тут цветы будут! Красиво! Если что, мы тебе с утра булочки свежие можем откладывать. У отца сносные бублики, я сама пробовала!

Я рассмеялась. Ее энергия была заразной. После ледяного приема в центральных магазинах и высокомерного взгляда Кая эта простая, дружелюбная болтовня была как глоток свежего воздуха.

- Спасибо, Лора. Я буду рада.

Мы еще немного поболтали. Лора оказалась дочерью булочника, жила здесь всю жизнь и, кажется, знала все сплетни округа. Она была простой, не слишком образованной, но доброй и отзывчивой. Первая ниточка, связывающая меня с этим местом.

В этот момент по улице прошла дама. Не просто дама, а воплощение чопорности и самодовольства. Она была одета в строгое платье из хорошей ткани, с высокой прической и с таким выражением лица, будто постоянно нюхала что-то несвежее. Она шла, задрав нос к небу, и брезгливо обходила лужи.

И вот, как по заказу, из своей книжной лавки напротив вышел Кай. Он что-то поправлял на витрине, и мы могли любоваться лишь его спиной. Дама, заметив его, мгновенно преобразилась. Ее надменное выражение лица сменилось сладкой, подобострастной улыбкой. Она поправила складки платья и направилась прямо к нему.

- Господин Кай! Какой прекрасный день, не правда ли? – прошептала она таким голосом, что у меня заныли зубы.

Кай обернулся. Его лицо не выразило ничего, кроме легкой скуки. Он что-то коротко ответил, столь тихо, что мы с Лорой даже не расслышали. Но его взгляд, скользнув мимо назойливой дамы, на секунду задержался на мне. На мне, стоящей с тряпкой в руках, в грязном платье, с растрепанными от работы волосами. Взгляд был быстрым, оцениваю-

щим, недобрым.

Дама, следившая за каждым его движением, этот взгляд, конечно же, заметила. Ее сладкая улыбка сползла с лица, как плохо приклеенная маска. Она бросила на меня взгляд, полный такого ледяного презрения, что я физически почувствовала холодок. Потом что-то фыркнула, кивнула Каю и, высоко неся свой обиженный нос, удалилась.

Лора в свою очередь фыркнула, но уже с насмешкой.

- О, леди Илва. Дочь аптекаря. Воображает, что она королевских кровей, и уже лет пять как пытается обратить на себя внимание господина Кая. Бесполезно. Он на дам, кажется, вообще не смотрит. Хотя... – она многозначительно подмигнула мне, – на тебя-то он посмотрел.

- Он посмотрел на меня, как на помеху, которая еще и его улицу испачкала, – парировала я, снова принимаясь оттирать косяк двери.

- Ну, это он на всех так смотрит, – философски заметила Лора. – Не принимай близко к сердцу. Ладно, мне пора, папа ругаться будет. Заходи как-нибудь за булкой!

Она упорхнула, оставив меня наедине с моими мыслями. Я посмотрела на чистые окна, на сияющую на солнце дверь, на участок с невероятным потенциалом позади дома. У меня был дом. Появилась первая, пусть и немного навязчивая, подруга. И даже высокомерный сосед не смог испортить мне настроение.

Глава 9

Прошло несколько дней, и мое новое жилище из склепа сапожника превратилось во что-то, начинающее напоминать дом. Помещение лавки блестело чистотой. Я потратила уйму сил и несколько медяков на ведро светлой, почти бежевой краски, и теперь стены не давили своей мрачностью, а мягко отражали солнечный свет. Те самые витражные окна, высокие и изящные, которые я отмыла до кристальной прозрачности, теперь ждали своего часа. Я уже представляла, как на широких деревянных подоконниках будут стоять глиняные горшки с геранью, а между рамами – роскошные букеты, заманивая прохожих всплесками цвета.

Каждое утро теперь начиналось с приятного ритуала – визита к булочнику, отцу Лоры. Хлеб у него и впрямь оказался божественным: душистый, с хрустящей корочкой и мягкой, пористой мякотью. Запах свежей выпечки, смешанный с добродушным ворчанием старого пекаря и болтовней Лоры, стал для меня символом нового, мирного утра. Я даже купила у них небольшую плетеную хлебницу – свою первую настоящую покупку для дома.

В один из таких дней, забирая свой утренний багет, я разговаривалась с Лорой о поставщиках.

- Цветы? – переспросила она, намазывая масло на очередной бублик. – Ну, тут без вариантов. Все ездят к Огри на

оптовый рынок, что за рекой. Мужик он... с характером. Но цветы у него со всего королевства, какие хочешь. Дорого, правда, берет.

Записав в уме имя «Огри» и направление, я решила провести разведку. Прошлась по ближайшим цветочным магазинам в более богатых кварталах. Картина везде была схожей: изысканные, утонченные интерьеры, немногочисленные покупатели и... цены, от которых слезился глаз. Букет из дюжины роз стоил как моя аренда за две недели. Стало понятно, откуда у торговки на рынке было столько скепсиса насчет моего предприятия. Цветы здесь были роскошью, доступной лишь самым состоятельным.

На следующий день я, набравшись смелости, отправилась на оптовый рынок за рекой. Место представляло собой огромный, шумный и грязный павильон, где в воздухе висела густая смесь запахов – земли, зелени, удобрений и пота. Я быстро нашла лавку Огри по указаниям Лоры.

Сам Огри оказался мужчиной неприятной наружности: низкорослым, коренастым, с лицом, напоминающим сморщенную картофелину, и маленькими, заплывшими глазками-щелочками. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на своих работников, перетаскивающих ящики с розами, с видом римского императора, наблюдающего за гладиаторами.

- Че надо? – буркнул он, увидев меня.

Я, стараясь выглядеть уверенно, объяснила, что хочу от-

крыть цветочную лавку и интересуюсь оптовыми ценами.

Огри фыркнул и начал сыпать цифрами. Цены и впрямь оказались космическими. Теперь мне стало абсолютно ясно, откуда в городских магазинах такие грабительские ценники. Но что было еще хуже – качество товара. Цветы, стоявшие в ведрах, выглядели плачевно. Розы, которые должны были быть упругими и свежими, поникли, их лепестки по краям начали коричневеть. Хризантемы и гвоздики застаивались до состояния, далекого от презентабельного. На многих виднелись увядшие наружные листики, а вода в ведрах пахла затхлостью.

- Да они же у вас... не первой свежести, – не удержалась я.

Огри нахмурился, и его лицо стало еще более похожим на разгневанный корнеплод.

- Товар ходовой! Не нравится – не бери! Других поставщиков все равно не найдешь. Все через меня.

Идея, которая еще вчера казалась мне блестящей и перспективной, теперь обросла такими проблемами, что у меня опустились руки. Даже если я куплю у Огри эти полуувядшие цветы по заоблачным ценам, кто купит их у меня? Чтобы окупить затраты, мне придется ставить такие же грабительские цены, как в тех шикарных магазинах. Но моя лавка на Улице Теней – не для богатых дам. Она для простых людей, которые, как я теперь понимала, на цветы просто не зарабатывали.

Вечером я сидела на крыльце своей несостоявшейся цве-

точной лавки. В руках я вертела пирожок с капустой, купленный у Лоры. Аппетита не было. Солнце скатывалось за горизонт, окрашивая небо в грустные оттенки розового и оранжевого. Мое настроение падало вместе с ним. Все мои планы, все мои мечты о «Саде Вайды» разбивались о суровую реальность в лице жадного Огри и увядших роз.

Как на зло, именно в этот момент из своей книжной лавки вышел Кай. Он окинул улицу своим привычным, холодным взглядом, который скользнул и по мне, сидящей на ступеньке с поникшим видом и несчастным пирожком в руке. Его лицо не выразило ничего. Он просто принялся закрывать тяжелую дверь, повернув в замке массивный ключ.

Я смотрела на него, чувствуя себя полной неудачницей. Вот он, успешный (я предполагала) предприниматель, владелец недвижимости, пусть и книжной, а я – жалкая девица, чей бизнес умер, не успев родиться.

Кай уверенным шагом направился вверх по улице, видимо, по своим вечерним делам. Я уже приготовилась к тому, что он пройдет мимо, даже не удостоив меня взгляда, как вдруг он остановился. Прямо около меня.

Я замерла, сжимая в пальцах пирожок. Он медленно повернулся и посмотрел на меня. Его серые глаза в вечернем свете казались не такими холодными, скорее... оценивающими.

- Полагаю, ваш энтузиазм поугас вместе с дневным светом, – произнес он наконец. Его голос по-прежнему был ли-

шен тепла, но в нем не было и привычной язвительности. Это было просто констатацией факта.

Я была так поражена самим фактом его обращения ко мне, что не нашлась что ответить. Я просто смотрела на него, чувствуя, как краска стыда заливает мои щеки. Он видел меня во всей моей деловой немощности.

- Поставщики, – выдохнула я наконец, глядя на свой пирожок. – Цены... Качество... Все пропало.

Он помолчал, его взгляд скользнул по моей чистой, но пустой лавке, по только что выкрашенным стенам.

- Огри, – сказал он, и в этом одном слове было столько понимания, что я вздрогнула.

- Вы... вы знаете его?

- Весь город, чей бизнес хоть как-то связан с чем-то растущим, знает Огри, – ответил он сухо. – Он – монополист. И пользуется этим положением. Как и положено недалекому человеку, внезапно получившему власть.

В его словах прозвучала такая глубокая, спокойная убежденность, что мне стало немного легче. Я была не одинока в своей оценке этого человека.

- Так что же делать? – спросила я, и в моем голосе прозвучала непрошенная надежда.

Он снова посмотрел на меня. Долгим, пронизывающим взглядом, будто пытаюсь разгадать загадку.

- Есть два пути, – сказал он наконец. – Первый – смириться и играть по его правилам, продавая умирающие цветы

втридорога тем, кто может позволить себе такую роскошь. Второй... – он сделал паузу, – найти обходной путь. Но для этого нужны либо связи, которых у вас нет, либо знания, которых у вас, как я полагаю, тоже пока недостаточно.

Сказав это, он кивнул мне, больше ничего не добавив, развернулся и пошел своей дорогой, оставив меня сидеть на стульях с недоеденным пирожком и целой бурей новых мыслей в голове.

Он не предложил помощи. Не дал советов. Но он увидел проблему. И он назвал ее. И в этом уже был какой-то странный, холодный утешительный смысл. Возможно, Кай был не просто заносчивым негодяем. Возможно, он был просто... очень трезвым и не особенно общительным человеком. И его остановка у моего крыльца была не проявлением жалости, а скорее... профессиональным интересом? Или чем-то еще?

Я не знала. Но одно я знала точно: сдаваться рано. Если нет поставщиков, может, стоит выращивать самой? У меня же есть участок. И у меня есть магия. Конечно, я понятия не имела, как ею пользоваться. Может, это и есть тот самый «обходной путь»? Пусть не сразу, не завтра, но со временем...

Я откусила наконец небольшой кусок от пирожка. Он оказался уже холодным, но на вкус был не таким горьким, как полчаса назад. Закат догорал на небе, но внутри меня снова забрезжил крошечный, упрямый огонек надежды.

Глава 10

Утро началось с акта неслыханной роскоши. Я купила кофе. Не жидкую бурду, которую подавали в «Пьяном Единороге», а настоящий, ароматный, густой напиток. Зайдя в булочную за привычным багетом, в нос ударил этот обворожительный, терпкий запах, и я не смогла удержаться. Я потратила на крошечную чашку целых пятнадцать медяков, что было, без сомнения, безумием. Но когда я сделала первый глоток, закрыв глаза от наслаждения, все сомнения испарились. Это был вкус... нормальной жизни. Цивилизации. Маленькой, но такой важной победы над собственным страхом бедности.

Настроение было приподнятым. Вчерашний вечерний упадок сменился решимостью. Я решила во что бы то ни стало осуществить свою мечту. В конце концов, не зря же высшие (или низшие) силы втянули меня в эту авантюру. Даром такой подарок – вторая молодость в обмен на тирана-жениха – не дается. Нужно было его использовать.

Мысли о том, что произошло с настоящей Вайдой, я старательно гнала прочь. Это было слишком тяжело и непонятно. А о своей прошлой жизни... я не жалела. Там меня никто не ждал. Пустая квартира, несколько знакомых, с которыми я поддерживала отношения из вежливости, и тишина. С мужем-тираном нам не довелось обзавестись детьми, че-

му я в глубине души была несказанно рада все эти годы, но после его смерти иногда задумывалась – а правильно ли я поступила, оставшись одна, обрекая себя на одинокую старость? Но теперь у меня был шанс все изменить. Прожить жизнь практически с чистого листа. Не как Лидия, забитая и затравленная, и не как Вайда, безропотная и подавленная. А как... я сама. Новая я.

Держа в одной руке дымящуюся кружку, а в другой – свежую, посыпанную сахарной пудрой ватрушку, я вышла в свой маленький огород позади дома. Утреннее солнце ласково грело спину, не смотря на скорый приход холодов, птицы щебетали где-то на крышах. Я сделала последний глоток кофе, поставила кружку на старую, перевернутую бочку и, откусив кусок ватрушки, обвела взглядом свои владения.

- Ну что? – произнесла я вслух, словно обращаясь к земле, к небу, к самой судьбе. – Приступим.

И тут наступил момент истины. Что могла сделать женщина, которая о магии в своем мире знала только то, что ее не существует? Полагаться на интуицию. На ощущения. На те самые «знания, которых у нее пока не было», как с присущей ему прямоотой заметил Кай. Кстати, мысль заглянуть к нему в лавку и поискать литературу на тему магии показала мне внезапно блестящей. Но сначала нужно было попробовать себя в деле.

Я подошла к зарослям бурьяна, который казался здесь хозяином положения. Он был колючим, наглым и удивитель-

но живучим. Я вспомнила, как открывала дверь с помощью плуща. Тогда я просила, а не приказывала. Я вступила с растением в диалог.

Я присела на корточки, осторожно коснулась пальцами жесткого, покрытого пылью стебля какого-то чертополоха.

- Послушай, – прошептала я. – Ты сильный. Ты выжил здесь без всякой заботы. Но теперь это мое место. Мне нужна эта земля. Я могла бы тебя просто выполоть, но... давай договоримся. Уйди, пожалуйста. Уступи место. У тебя ведь есть другие места, где расти?

Я не знала, что делаю. Это было смешно. Женщина в здравом уме, разговаривающая с сорняком. Но я сосредоточилась. Я представляла, как корни этого растения по доброй воле ослабляют хватку, как жизненная сила уходит из стеблей и листьев, как они вянут, превращаясь в сухую труху, которая станет удобрением для новых жильцов. Я вкладывала в эту мысль не приказ, а просьбу. И обещание. Обещание, что на этой земле будет расти что-то красивое.

И о чудо. Я снова почувствовала тот самый легкий ток, слабый разряд энергии, исходящий из моих пальцев. Стебель чертополоха под моей рукой дрогнул. Я отдернула пальцы. И прямо на моих глазах растение начало меняться. Его зеленый, наливной соком стебель сморщился, стал коричневым и ломким. Листья свернулись, пожелтели и засохли. Процесс занял не секунды, а минуты, но он был наглядным и невероятным. Я перевела взгляд на другой сорняк, потом на

третий. Я не касалась их, а просто смотрела, концентрируясь на той же просьбе, том же образе.

И они... расступились. Один за другим, как по мановению волшебной палочки, сорняки увядали, засыхали и рассыпались в прах. Через пятнадцать минут передо мной лежал чистый, темный, пахнувший влажной землей участок. Ни травинки. Это было легко. Слишком легко. Эйфория захлестнула меня. У меня получилось! Во мне и правда была сила!

Я попыталась пойти дальше. Села на землю, уперлась ладонями в теплую почву и начала уговаривать, умолять, молить: «Розы. Астры. Лаванда. Ромашки. Что угодно! Прорастите! Расцветите!»

Но ничего не происходило. Я чувствовала пульсацию жизни в земле, смутную, дремлющую, но не могла до нее достучаться с таким приказом. Я могла уговорить то, что уже было живо, уйти. Но я не могла создать жизнь из ничего. Для этого нужны были семена. Ростки. Материал. Мертвая земля, какой бы плодородной она ни была, не могла родить цветов по одному лишь моему желанию. Моя магия была магией просьбы к существующей жизни, а не магией творения из пустоты.

Энтузиазм немного поутих. Ну что ж. Это тоже был результат. Я могла очищать землю. Это уже сэкономило уйму времени и сил. Но теперь мне были нужны семена. И здесь я снова упиралась в проблему денег и того самого Огри.

Я встала, отряхнула руки о свое рабочее платье и реши-

ла, что не буду отчаиваться. У меня есть кое-что, чего нет у других. И пришло время это кое-что изучить.

Час спустя, переодевшись в свое синее платье и снова настроившись на деловой лад, я подошла к тяжелой двери с вывеской «Пыльный Фолиант». Я глубоко вдохнула. Визит к Каю после нашего последнего разговора казался мне чем-то вроде дипломатической миссии в страну с непредсказуемым лидером.

Я толкнула дверь. На меня пахнуло знакомым запахом – старой бумаги, кожаных переплетов, воска и пыли. Внутри было тихо, сумрачно и... безумно. Книги были везде. На стеллажах, достигавших потолка, на столах, на полу стопками. Они лежали, стояли, падали друг на друга. В воздухе висела тихая, почти священная атмосфера забытых мыслей.

Сам Кай стоял у одного из стеллажей спиной ко мне, с какой-то огромной, потрепанной книгой в руках. Он услышал скрип двери и, не оборачиваясь, произнес своим низким, бархатным голосом:

- Если вы ищете романы о несчастной любви пастушки к герцогу, то их здесь нет.

- Я ищу литературу о магии, – выпалила я, прежде чем мой дух окончательно покинул меня в этом царстве книг.

Он медленно обернулся. Его серые глаза снова были полны привычного раздражения, но в них также читалось и любопытство.

- Магии, – повторил он. – Конкретизируйте. Боевая ма-

гия? Магия стихий? Церемониальная? Или, – его взгляд скользнул по моему платью, – вас интересуют травники и сборники народных рецептов?

Я почувствовала, как краснею. Он снова делал меня глупой и невежественной.

- Магия... жизни, – сказала я неуверенно. – Магия растений. То, что связано с ростом.

Он смотрел на меня так пристально, что мне захотелось провалиться сквозь пол, усыпанный древними книгами.

- Магия жизни, – произнес он задумчиво. – Одна из самых редких и малоизученных дисциплин. Считалась практически утраченной. – Он отложил свою книгу и сделал несколько шагов вглубь лавки. – У меня есть пара трактатов по герметической ботанике. И один, довольно спорный, о так называемой «Магии Зеленого Шепота». Но должен вас предупредить – это не учебники для начинающих. Это теоретические изыскания, полные аллегорий и отсылок к утраченным практикам.

Он достал с верхней полки огромный том в потертom кожаном переплете. Пыль с него слетела облаком.

- «Тайная жизнь флоры» Арниуса Ван Гельдера, – произнес он, протягивая мне книгу. Она была невероятно тяжелой. – Будьте осторожны. Некоторые идеи автора могут показаться... еретическими для ортодоксальных магов.

Я взяла книгу, чувствуя, как под ее весом подкашиваются ноги. Еретические идеи звучали как то, что мне нужно.

- Спасибо, – прошептала я. – А сколько...

- Вы можете взять ее почитать, – перебил он меня. Его предложение прозвучало настолько неожиданно, что я онемела. – Здесь не библиотека, но... – он снова окинул меня тем пронизывающим взглядом, – ваша настойчивость вызывает определенное... уважение. Принесите, когда прочтете. И постарайтесь не пролить на нее кофе.

Я смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова. Он не только помнил нашу вчерашнюю встречу, но и заметил утреннюю кружку в моих руках. Этот человек был до жути наблюдательным.

- Я... я буду осторожна, – наконец выдавила я и, прижав тяжелый фолиант к груди, как драгоценность, поспешила к выходу, чувствуя его взгляд на своей спине.

Выйдя на улицу, я прислонилась к стене, пытаясь перевести дух. В руках у меня была книга. Ключ. Возможно, к разгадке моей собственной природы. И этот ключ мне дал он. Высокомерный, неприятный, необщительный Кай.

Мой день, начавшийся с кофе, продолжившийся упражнением в магии, теперь был увенчан невероятной удачей. Пусть путь к «Саду Вайды» был усыпан не розами, а проблемами, но я делала шаги. Маленькие, неуверенные, но шаги вперед. И сейчас у меня в руках был целый фолиант, полный ответов. Или, по крайней мере, вопросов, которые приведут меня к ответам.

Глава 11

Следующий день выдался на удивление непогожим. Проснулась я от звука дождя, барабанившего по слуховому окошку. Небо было затянуто сплошной серой пеленой, ветер гнал по улице мусор и хлопья мокрых листьев. Как будто резко закончилось бабье лето и наступил сезон дождей, не желая тратить время на переходный период. И тут-то до меня со всей очевидностью дошло: растить цветы в такую погоду – величайшая глупость. Холод, сырость, недостаток солнца... Мои будущие розы и тюльпаны просто сгниют, не успев взойти. Энтузиазм, вызванный вчерашними успехами с сорняками, немного поугас.

Однако мысли, почерпнутые в книге, которую я листала весь вчерашний день, не давали мне окончательно пасть духом. Арниус Ван Гельдер, автор «Тайной жизни флоры», много писал о внутренней силе растений, об их связи с магическим полем мира. Он намекал, что настоящий мастер может не просто ускорять рост, но и укреплять жизненную силу, помогая растению противостоять невзгодам. Выход был. Но для этого нужна была практика и, что важнее, сами растения.

Сегодня в моих планах было посещение Огри, чтобы закупиться у него саженцами и семенами. Но, глядя в окно, где накрапывал дождь и бушевал ветер, я от этой прогулки воз-

держалась. И дело было не только в непогоде. Идти к нему с пустыми карманами и надеждой на скидку было бессмысленно, а тратить последние деньги – страшно. К тому же, я поняла, что мне необходимо раскошелиться еще и на верхнюю одежду. Пальто, плащ, накидку – что они тут носят в такую непогоду? Мое синее платье и старая накидка от дождя не спасали. Остаток дня я провела, укутавшись в единственное одеяло, за чтением тяжеленного фолианта, попутно составляя в уме список необходимых трат. Цифры получались пугающими.

К моему счастью, следующий день встретил меня хоть и хмурой, но сухой погодой. Воздух был свежим и холодным, а на улицах сверкали лужи, словно разбросанные осколки неба, напоминая о вчерашнем буйстве природы. Пахло мокрым камнем и остывшей землей. Я надела свое лучшее платье, сунула в карман почти всю оставшуюся наличность и с твердым намерением отправилась на рынок.

Продавщица, у которой я покупала платье, встретила меня как родную.

- Дорогая! Опять к нам? – крикнула она, завидя меня. Ее зоркий глаз сразу же заметил мои начинающие синеть от холода губы. – Ой, да ты вся продрогла! Так нельзя! Сейчас, у меня как раз завезли отличные пальто, шерстяные, теплые!

Она тут же кинулась предлагать мне грудую одежды. Я выбрала самое простое и, как надеялась, недорогое – длинное пальто из плотного темно-зеленого сукна, с капюшоном и

деревянными пуговицами. Оно было немного великовато, но сидело комфортно, и главное – в нем было невероятно тепло. Торг был недолгим. Мы сошлись на цене, от которой у меня слезились глаза, но я вздохнула с облегчением. Теперь у меня была защита от непогоды.

Пока продавщица отсчитывала сдачу, она расспрашивала меня:

- Ну что, удалось тебе открыть свой магазин? Цветочный, говорила?

Я улыбнулась, ощущая под пальто приятное тепло и новую порцию уверенности.

- Да, через пару дней, думаю, буду готова принять первых покупателей. И цены, – добавила я с заговорщицким видом, – всех приятно удивят.

Продавщица скептически хмыкнула, но получив приглашение заглянуть ко мне на Улицу Теней, когда все откроется, пообещала обязательно прийти. Первый потенциальный клиент был обеспечен.

Теперь предстояло решить вопрос с Огри. Дорога до оптового рынка за рекой показалась короче в моем новом теплом пальто. Я быстро нашла его лавку. Он стоял на том же месте, словно мрачный монумент собственной жадности.

- Сажены? Семена? – буркнул он, узнав меня. – Дорого.

И он назвал цены. Они были ненамного ниже, чем на срезанные цветы. За пакетик семян роз он просил столько, сколько я отдала за пальто. Сажены лаванды стоили как моя

аренда за неделю. У меня в груди что-то оборвалось. Это было не просто дорого. Это было грабежом посреди белого дня.

- Да они у вас, наверное, и не взойдут, – с горькой иронией выдохнула я, глядя на жалкие, сморщенные пакетики на прилавке.

- Не нравится – не бери, – отрезал Огри, разворачиваясь ко мне спиной.

Я стояла у входа в его лавку, в глубоком, безнадежном раздумье. Все мои планы рушились. Даже если я куплю горсть семян, мне потребуются недели, чтобы что-то выросло. А деньги таяли на глазах.

И вдруг кто-то осторожно потянул меня за руку. Я обернулась. Рядом стояла женщина. Лет пятидесяти пяти, с седыми волосами, убранными в небрежный узел, и добрыми, лучистыми глазами в паутинке морщинок. Она была одета в простое, но опрятное платье и теплую шаль.

- Простите, что вмешиваюсь, – сказала она тихим, приятным голосом. – Я услышала ваш разговор. Вы хотите открыть цветочную лавку?

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

- Вижу, Огри вас, как и всех, облапошивает, – вздохнула она. – У меня небольшой садик разбит перед домом, недалеко отсюда. Я много чего выращиваю для себя. Если вы знаете, как правильно собирать саженцы и делить кусты... то можете взять у меня несколько штук. Бесплатно, разумеется.

Несколько штук. В моем прежнем, бизнес-планирующем

мозгу эта фраза прозвучала бы как приговор. «Несколько штук» – этого так мало, чтобы открыть магазин! Это капля в море! Но тут я поймала себя на мысли. Я все пытаюсь измерять мерками своего прошлого мира! Я постоянно забываю, что у меня есть магия! Та самая «Магия Жизни», которая может ускорять рост и укреплять растения. Мне не нужны сотни саженцев. Мне нужны несколько сильных, здоровых, которые я смогу размножить с невероятной скоростью.

На моем лице расцвела такая искренняя, широкая улыбка, что женщина слегка отшатнулась.

- Вы не представляете, как вы меня выручаете! – воскликнула я. – Я с огромной благодарностью приму ваше предложение! Я Вайда.

- А я Ирма, – улыбнулась она в ответ. – Пойдемте, я живу совсем рядом.

Мы быстро нашли общий язык. Ирма оказалась вдовой бывшего садовника одного из городских парков. Она была не многим старше прошлой меня, Лидии, и в ее спокойной, мудрой манере общения было что-то такое родное и понятное, что я мгновенно ей прониклась. Мы шли по улице, и она рассказывала о своем саде, о том, что хорошо растет в нашем климате, а что капризничает. Я слушала, раскрыв рот, впитывая каждое слово. Это были не теоретические выкладки из книги Ван Гельдера, а живая, практическая мудрость.

Ее дом оказался небольшим, уютным, а перед ним действительно располагался чудесный, ухоженный садик. Пусть

и не большой, но в нем царили порядок и изобилие. Здесь росли и розы, и лилии, и пионы, и скромные, но милые маргаритки с колокольчиками.

- Вот, – Ирма указала на разросшийся куст лаванды. – Можете взять несколько отводков. И деленку пиона. И вот эти маргаритки прекрасно делятся. Берите, не стесняйтесь.

Я смотрела на эти щедрые дары, и у меня наворачивались слезы на глаза. После жадного Огри эта доброта казалась настоящим чудом.

- Я... я вам обязательно как-нибудь отплачу, – пробормотала я, принимая от нее небольшой мешочек с землей, куда она аккуратно упаковала мои первые, драгоценные саженцы.

- Пусть ваш сад цветет, дорогая, – мягко сказала Ирма. – Этим и оплатите. Миру нужно больше красоты.

Я шла домой, неся в руках свой скромный, но бесценный клад. Пальто грело мое тело, а доброта незнакомой женщины согревала душу. У меня было все, чтобы осуществить задуманное. Несколько саженцев, магия, знания из книги и теперь – совет мудрой садовницы. «Сад Вайды» переставал быть мечтой. Он становился реальностью. И начинался он не с монет, а с щедрости человеческого сердца.

Глава 12

Остаток дня после визита к Ирме пролетел незаметно. Я сидела на полу своей лавки, разложив перед собой драгоценные саженцы, и думала. Где их высаживать? Прямо в землю на участке? Это было бы логично, но я ничего не знала о местном климате. А что, если морозы здесь трескучие, а зимы затяжные? Мои бедные пионы и лаванда просто вымерзнут, не успев как следует укорениться, даже если я ка

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.